



ЛИТ СТАРТ

№2



ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Литературно-критический альманах

«ЛитСтарт»

Москва

Литературный институт имени А. М. Горького

2026

Литературно-критический альманах «ЛитСтарт». Выпуск 2. — Москва:
Литературный институт имени А. М. Горького. 2026. — 135 с.



© Авторы текстов, 2026

© Литературный институт имени А. М. Горького,
оригинал-макет, 2026

Редколлегия

Главные соредакторы

Марина Терехова, прозаик, старший преподаватель Литературного института имени А.М. Горького, член Союза детских и юношеских писателей.

Дарья Леднева, кандидат филологических наук, старший преподаватель и научный сотрудник Литературного института имени А. М. Горького, критик, прозаик.

Редколлегия

Мария Козлова, кандидат философских наук, доцент, преподаватель Литературного института имени А. М. Горького, редактор журнала поэзии «Плавучий мост».

Оксана Лисковая, член Союза писателей России, член Союза журналистов Москвы, старший преподаватель, зав. учебным отделом Литературного института имени А. М. Горького.

Ольга Ткаченко, кандидат филологических наук, доцент, преподаватель Литературного института имени А. М. Горького, литературный редактор, переводчик художественной прозы.

Михаил Попов, доцент, преподаватель Литературного института имени А. М. Горького, зам. главного редактора журнал «Москва», прозаик и поэт.

Андрей Геласимов, кандидат филологических наук, доцент, преподаватель Литературного института имени А.М. Горького, прозаик, заслуженный деятель искусств РФ.

Мария Чистякова, старший преподаватель Литературного института имени А. М. Горького, младший научный сотрудник.

Корректор

Ольга Ткаченко

Иллюстратор и верстальщик

Мария Зырянова

Содержание

СтартПроза/СтартПоэзия	8
<i>Лилия Алексеева. Поэзия</i>	9
<i>Мария Баканова. Писака. Проза</i>	12
<i>Артур Галеев. Поэзия</i>	17
<i>Дарья Горенкова. Поэзия</i>	19
<i>Нина Дорогова. Поэзия</i>	22
<i>Арина Вороновская. На стене написано. Проза</i>	23
<i>Вера Замыслова. Сказка о Ёжике, который любил Звезду. Проза</i>	32
<i>Мария Кудрина. Поэзия</i>	39
<i>Вадим Кузьмин. Природа. Проза</i>	42
<i>Мария Попова. ДЫР БУЛ ЩЫЛ. Победа над Солнцем? Я</i>	44
<i>Катерина Тищенко. Классический любовный роман. Проза</i>	51
Конкурс «Модерн – невроз традиции»	56
<i>Екатерина Голышкова. Поэзия</i>	57
<i>Виктория Безрукова. Трубин, подожди меня. Проза</i>	58
<i>Яна Жигалова. Поэзия</i>	69
<i>Александр Заболотский. Поэзия</i>	71

Зухра Лайпанова. Поэзия	77
Георгий Мальцев. Поэзия	78
Пётр Новокрещенов. Simulink. Проза	80
Анастасия Щербакова. Поэзия	93
Победители конкурса «Абитуриент 2026»	97
Виктория Бабаева. Этот-висящий-на-проводах. Проза	98
Елизавета Гардер. Плач палача. Проза	106
Виктория Дермейко. Подвиг. Проза	115
Александра Еселева. А я ведь злая. Проза	124
До новых встреч!	135

Слово редактора

Мы рады представить наш второй номер электронного литературно-критического журнала для молодежи «ЛитСтарт»!

Задача альманаха — ввести юного творца в сложное пространство современной литературы, предоставить возможность показать себя и быть опубликованным в новом издании Литературного института им. А. М. Горького, места, где учат чувствовать и любить литературу.

Во втором номере мы собрали самых разных авторов. Некоторых из них мы отобрали из «самотёка», другие прошли к нам через конкурс «Модерн — невроз традиции», а кто-то появился на страницах альманаха благодаря победе в нашем ежегодном конкурсе «Абитуриент».

К нам на почту приходят очень много рукописей, и мы рассматриваем каждую из них. Если вас не отобрали — не надо отчаиваться! Лучше напишите что-то новое и присылайте нам.

Мы будем рады рассмотреть каждое произведение, и помочь на старте начинающим прозаикам и поэтам. В этом мы не стали публиковать критику, но надеемся набрать рецензии для следующего номера. А ещё планируем провести конкурс! Какой? Читайте нас и следите за новостями! Желаем всем отличного старта!

Мы надеемся, что «ЛитСтарт» станет местом объединения молодых и талантливых авторов.

Сайт Литературного института: ***litinstitut.ru***

Страничка альманаха **«ЛИТСТАРТ»** в VK: **@almanac_litstart**

СтартПроза
СтартПоэзия

Лилия Алексеева

Студентка НИУ МГСУ, обладаю техническим складом ума в сочетании с тягой к творчеству. Люблю ощущать вкус жизни благодаря разным увлечениям: от рисования до ювелирного дела, от спорта до изучения языков и, конечно, литературного творчества.

Родилась в 2006 году. Место проживания: Москва.

Тепло на дороге, мокро стоять.
Асфальт втаптывается в кожу, руками считаешь камешки.
Один, два – и сбиваешься,
Погладь их немного, они тебе – варежки.
Ставишь колено, другое,
Собираешь песчаные пятна.
И небо сдавило спину:
Одеяло такое родное.
Затиhaешь...
Сверхбодрящий приступ причастности к миру:
Стреляют звуки, а краски брызжут в глаза.
Тебя придавило к земле, а березы смеются,
Нарастающий гул запутался в волосах.
Задыхаешься, паника, суставам не разогнуться;
Истерлись, забыли движения, запретили побег,
Не дают ограничиться созерцанием.
Это не слабость, что в горящих глазах тает снег,
Слабость – довольствоваться существованием.
Уже почти захлебнувшись в бессловном крике,
Возвращаться к искусственному помосту,
Без желания, с дрожью дикой
 возвращаться туда,
Где полностью чувствовать – не по ГОСТу.

Без шороха,
Совсем без шороха поправляю шторы,
Совсем без шороха двигаюсь в комнате,
Боясь разбудить.
Кого?
А может, что?
А может, себя, спящую: все – сон.
Мне хочется в это верить...

Привычный забег, дистанция начинается с утра.
Заблокированная изнутри пустота мыслей.
Время остановлено, и надежда, что оно не продлится.
Проповедники разума уже выставлены за дверь.
Испещрена запланированными записями пустая тетрадь теперь.
Стереосистемы изнутри заставляют забыть в базах:
Даже слушать свое сердце приятнее, пульс неровен и все время сбивается.
Я настолько глубоко уже, что запутаться в любых азах
Просто так же, как закрыть глаза, когда целуешь того, кто нравится.
Навязчивый гул в ушах – плод моей засыпающей фантазии
Или попытка достучаться снаружи кого-то живого и настоящего.
Мне приелся марафон от себя с приставкой «ультра»
В поисках любого продлевающего неясный туман средства,
Коварного, как неуничтоженные последователи культа,
Вводящего в мнимый сон, как таблетки от аллергии,
Заставляющего молить сжать сильнее ментальные пути...
И выплевывающего из себя резко с незамедлительным эффектом эйфории;
Ложной или как раз настоящей – абсолютная истина осталась за дверью.
Недолгое отсутствие на самом деле не желанных кандалов

Гипертрофирует приятность их нарочито медленного натяжения,
И это ощущается как долгожданное возвращение
К дому. На место, где его уже нет.
К нему память ведет на привязи:
Забавный ковер и не менее забавный розовый плед...
А ковра там никогда и не было – это уже из чужого дома,
Который моему был и родственник, и почти сосед.
Прижаться бы щекой к этим нарисованным автодорогам из ворса
И пледу из какой-то синтетики...
Получить бы в игру в машинки, почтой приглашение или билет...
Почти так же и ощущается действие этих антимысленных анестетиков.
Они поочередно меняются с Морфеем, он предлагает стать подле него,
Надеть корону жены сонных нег,
Но опять испытываю невольное пробуждение
И стараюсь ухватить ускользающую мысль –
Надежду закончить весь этот забег.

Мария Баканова

Желанию записывать что-либо художественное способствовало постоянное летнее затворничество на даче без возможности выбраться. Моим главным критиком всегда была Надежда. Так уж вышло, что у самого близкого мне человека такое прекрасное имя, лучше которого вряд ли может быть какое-то другое. Придется все же написать, что это не просто лучший друг мой, но бабушка, с которой мы были единой душой. Одно произведение, написанное мной в раннем достаточно возрасте, заканчивалось похоронами: умерла маленькая девочка. Тогда Надежда воскликнула: «Зачем ты убила ее?» С тех пор не могу спать. А еще стараюсь поменьше убивать своих героев, подобно писака из этого рассказа.

Родилась в 2006 году. Место проживания: Москва.

Писака

За ним захлопнулись тяжелые серые створки, которые, подобно влюбленной парочке, так и льнут друг к другу: Илья вошел в лифт обычной московской многоэтажки, в которых тонут люди каждый день, возвращаясь откуда-то унылыми и уставшими. Таков был и этот человек. Средних лет, в рубашке, застегнутой на все пуговицы, в старомодненьком белом жилете поверх, в желтых лопахинских башмаках и с прозрачными очками на длинном и узком носу. Илья нажал кнопку, рядом с которой стерлось число, обозначающее этаж: мужчина-то очень хорошо знал, что едет на пятнадцатый, почти самый последний в рыжевatom таком, большом доме. Сначала прислонился спиной к стенке холодного лифта, чтобы отдохнуть, и лишь через мгновение обратил внимание на собственное отражение в зеркале. М-да. Постарел. Волосы все покрылись белой краской, впрочем, что-то в этом есть. Этаким философский вид приобрел с годами. А всего лишь-то писака обыкновенный. Даже и не совсем выдающийся, даже и без своего читателя, а так, пишущий, пишущий, редактирующий книги других, но забывший давно, что от этого всего можно получать неимоверное удовольствие. Переводы тоже как-то забросил, забыл, как это делается, что с чем слагается и куда деваются иностранные слова, откуда появляются родные. Взгляд голубых глаз блуждал где-то между мыслями-соснами, не останавливаясь ни на чем конкретном или абстрактном, вообще ни на чем не фокусируясь. Тут что-то произошло: Илья не сразу понял что. Лифт устал и остановился. Минутка осознания прошла в полнейшей тишине, затем Илья попробовал тихонько позвать на помощь, стал нервно нажимать кнопку вызова, припасенную во внутренностях лифта специально для

таких случаев. Никто не отвечал, что стало тревожить Илью еще сильнее, он уже со страшной силой нажимал на кнопку. Ти. Ши. На. Silentium. Писак быстро надоело бессмысленно жать на кнопку и звать на помощь. Человеческой натуре свойственно утомляться от любого действия. Илья съехал по стенке лифта и уселся, поджав длинные ноги к себе. Надо было обдумать какое-то решение: можно было, например, попробовать позвонить жене, которая, возможно, дома, и, возможно, она что-то предпримет. Можно самому позвонить в службу, которая не отвечает по кнопке лифта. Это-то, наверное, наиболее разумное решение. Илья так и сделал, ему ответил седой уже голос какого-то изможденного человека, который пообещал прибыть через час с командой. Через час! Ничего себе, быстро работают люди в Москве! Целый час! Час одиночества и заточения в маленьком пространстве лифта. Тут уж и «Узника» напишешь, пока сидишь. Или «И скучно и грустно». В сумке не оказалось ничего съестного, в ней был лишь томик рукописи какого-то современного писателя и большая тетрадь формата А4, которой Илья никогда не пользовался, а носил скорее по привычке, так как и не вынимал ее никогда, с тех пор как положил, думая, что будет записывать туда какие-то мысли, вероятно, ученые. Уже давно он писал все свои произведения на компьютере, сразу выбирая нужный шрифт и формат, чтобы не тратить время на перепечатывание. Эх, было же время, когда никто себе не мог позволить компьютер и Илья все писал от руки. Рука мужчины как-то сама нащупала черную ручку в сумке, это было совсем произвольное действие. Острая мысль о том, что у него есть целый час, который можно скоротать, написав что-то на девственных пока еще листах тетради, вонзилась в его мозг. На время Илья перестал чувствовать усталость, его рука уже скользила по листам в поисках мысли. Он начал что-то такое вырисовывать, у него получался чей-то профиль, лошади, женские ножки... Повторялись такие узнаваемые графические рисунки Пушкина, из которых порой рождались образы (или порой наоборот). Вот уже какая-то хорошенькая дамочка появилась на листе Ильи. Далее у нее появилось красивое и звучное имя с хорошим значением, обозначались черты характера. Рядом с ней возник образ некоего молодого человека с волосами, вьющимися бесом. Тьфу ты. Опять Пушкин с Гончаровой выходят. Напасть какая! Впрочем, Илья тут же пририсовал очки мужчине и какой-то платок девушке, поэтому они перестали походить на портреты. Рука отчаянно рисовала кудри герою, завивая их все больше и больше, а потом от какой-то из прядей Ильи, не отрывая руки от бумаги, перенесся к строчкам, начал старательно выводить слова (почти как Акакий Акакиевич, но тут, конечно, речь не о переписывании, только если можно назвать переписыванием запись слов, рождающихся в голове). Это будет что-то небольшое, вероятно, короткий рассказ про взаимоотношения, про жизнь, про что-то одновременно банальное и цепляющее, то

есть про чувство любви, когда оба влюблены в свои дела больше, чем в друг друга, когда они выбирают работу и свободное время вместо того, чтобы видаться, но их это устраивает (до определенного момента), а потом происходит какой-то щелчок, а она уже далеко-далеко. А он ищет в других похожую. Банально! Ах, как банально! Но как же Илья поглощен работой: ему нравится, что рука точно знает, куда вести и что писать. Он-то не знает, потому что все делает она, а не он. Ему становится ужасно интересно, что же из этого выйдет, получится ли, что он изначально задумывал, или что-то совершенно иное (скорее второе). От удовольствия Илья даже, кажется, слегка высунул язык, глаза блестят, рука бежит, очки уже норовят слететь с носа, так низко к тетради наклонена голова. Остановился. Задумался. Поправил очки. Начал грызть ручку от напряжения, дошел до того, что несчастная треснула от такого напора, издала последний всхлип и умерла. На губах Ильи остались чернила, что слегка вывело его из себя, он начал рыться в сумке и искать другую ручку, долго не мог найти. Нашел! Снова склонился над рукописью, теперь уже не позволяя себе отвлекаться, так как это чревато разного рода последствиями. Вот Илья описывает первую встречу героев, здесь нет реплик, а есть только взгляды, улыбки, движения, мысли. Никакого конфетно-букетного, только можно-вас-проводийное, позвольте-ваше-пальтоное и зайду-за-вами-завтрайнее. К чему конфеты и букеты, когда есть поэтично-прощальное и письмо-отправляльное, когда есть пожатия руки, даже порой нескромные двадцатьпервовековые объятия... С вы быстро переходят на ты («Пустое вы сердечным ты...»), с пожатия руки – на поцелуй, а там уж дальше, куда порой только не заходят взаимоотношения двоих. Илья как будто снова молод и влюблен, ему снова двадцать, он сам, конечно же, отчасти свой герой, а отчасти и героиня. Не быть им вместе, не быть, это ведь не сказка на ночь, а жизнь, история, начатая в лифте, где-то на одиннадцатом этаже, в состоянии подвешенном и странном, отчужденном от мира сего. Подумать только, писатель, а забыл бумагу! Не забывают ли нынче художники свои краски? И кисть? И холст? Рисуют на планшете? «Больше никогда не буду писать сразу на компьютере», – мысль в голове Ильи среди всего разнообразия мыслей о его героях. О персонажах всегда думаешь очень много, они становятся родными, но их судьба зависит только от тебя. Илья вспомнил какое-то свое юношеское сочинение, где он посмел убить ребенка (то есть по сюжету умирала юная девочка), за что потом его ненавидела собственная мать, прочитавшая это творение. «Как ты посмел лишить ее жизни?» – зазвучало в голове. «Правда, кто я такой, чтобы решать, какой герой умрет, какие расстанутся», – подумал Илья и-и-и-и... Изменил ход сюжетной линии. Теперь выходило, что герои переживают вместе все трудности. «О боже, дешевый мюзикл с хэппи-эндом!» – следующая навязчивая

мысль в голове. В итоге порванный лист бумаги, надо переписать, оставить все-таки несчастливую развязку... Внезапно дверь лифта открылась, слышались знакомые Илье голоса:

– Что, спасти, что ли, его?

– Да за что же? Разве достоин?

Мужской и женский. Он с кудрявой головой-одуванчиком, а она в платке. Такими именно голосами они говорили в голове Ильи, в его воображении, а теперь вот говорят в самом деле!

– Как же решить его судьбу? Может, оставим тут? На что он нам? Будет такой сюжет и такое художественное решение, очень даже неплохо, думаю, читателям понравится.

– Ты прав, mon cher, а то я из-за этого господина говорю на смеси французского с нижегородским, то есть и языком классической литературы XIX века, и современным нашему дорогому Илье Игоревичу языком XXI века.

Илья на время потерял дар речи, а потом все-таки воскликнул:

– Как же это? Собственные герои, и оставят меня на произвол судьбы?

– А ты что про нас написал? Ну-ка! Не тебе ли знать, что характер у нас у обоих скверный, мы же много ссоримся между собой у тебя в произведении, – она.

– Протестую! Этого я еще не написал.

– Ты это хочешь написать, – он, обнимая рукой за талию героиню.

– Вовсе нет, я еще не решил, что будет дальше.

Герои переглянулись, кивнули друг другу и ушли. Дверь лифта тут же закрылась, Илья не успел не только выйти, но и вообще осознать, что произошло. Он с некоторой боязнью вернулся к рукописи и стал напряженно думать, что же ему прописать дальше для нее и для него. Придумал! Снова рука бежит, глаза сияют, на лице застыла улыбка восторга, ему самому нравится, что получается: и слог неплох, и история любопытна, и герои счастливы, но счастливы как-то тихо и очень поэтично, что очень хочется сказать: «Ах!» (что-то обломовское). Тут дверь снова отворилась.

– Смотрите, теперь все совсем иначе, ваша история приобрела новые краски, кажется, вы будете довольны! – обратился писака к своим героям, но никаких

героев и в помине не было. Удивленными глазами на него глядел немолодой лифтер с черным ящичком в руках. Никакой обещанной команды не было.

– Давно ждете?

– Не знаю, – честно признался Илья. Посмотрел на наручные часы: оказывается, прошло два часа! Илья ничего не сказал, он все еще продолжал сидеть, как был. Лифтер замялся, попросил писаку выйти, ибо тот освобожден из своего заточения. А Илья вовсе не хотел этого, ему казалось, что сейчас он выйдет и все будет как прежде. Он снова забудет про любовь к тексту, потеряет связь с героями и будет обычным писакой. Лифтер уже взял Илью за руку и силком вытащил бедного наружу. Илья Игоревич зажмурился. Он словно вышел из тьмы на свет, хотя освещение было одинаковое, что на этаже, что в лифте. Нужно было пройти еще четыре этажа по лестнице или вызывать другой лифт, чтобы добраться до пятнадцатого. Илья выбрал первый вариант, он грустно считал ступени, стараясь думать о сюжете, но ничего не выходило. Он забыл тут же имена своих героев, стал открывать записи, а там ничего не оказалось! Ни словечка, ни точки! Ничего! Осталось еще несколько шагов вверх – и будет нужный этаж. Как же их звали... Он вроде бы был блондин с прямыми волосами, а может, нет. А кем же была она? В грустных думах Илья дошел до квартиры, долго искал ключи, понял, что забыл поблагодарить лифтера. Звук открываемой двери, порог, коридор, комната, жена. Компьютер. Надо сдать рукопись завтра.

Артур Галеев

Учусь в РГГУ на философском факультете. Играю на губной гармошке и профессионально прыгаю на батутах. Являюсь шорт-листёром фестиваля «Зелёный листок», финалистом поэтического конкурса «Берега Дружбы».

Родился в 2005 году. Место проживания: Республика Башкортостан, город Уфа.

Неразумный тростник

Щекочет щеку клякса солнца,
Поёт черёмуха в жаре.
И будто что-то вдруг проснётся
Среди цветов, деревьев, тел.
Ещё чуть-чуть, немного, скоро!
Но вот: всё так же, как всегда.
Мне в девять выходить из дома,
А ночью будут холода.

Я мог бы отдать тебе слово
С дыханием волжских лесов,
Прозрачность и что-то цветное.
Подумай, ну может, возьмёшь?
Алмазы слезинок. Туманы,
Где свет расплескался вдали.
Весь космос с холодным зияньем —
Прошу, заberi, заberi.
Возьми неприкаянность ветра.
Отдам бороздящую дрожь,
Всю серость скорбящего пепла,
Но ты всё равно не возьмёшь.

Иногда мне становится ясно
то, что я не разумный тростник,
не баланс между мыслью и страстью,
а глаза, стерегущие миг.
Постоянно разглядывать время,
в беспорядке чего-то искать,
наблюдать за тенями бесменно –
на роду написали, видать.
Аккуратно тому покоряясь,
на скользящие блики смотрю,
а вверху – на дрожащую стаю,
измаравшую тьмой синеву.

На всём пространстве тишины
Забегали, как таракан при свете
Включённой лампочки, и сны,
И все мечты, что днём я не заметил
За день порубленный, как фарш.
Тягучий мякиш разговоров
Меня обнял. Как карандаш,
Затупленный, я безмолвлен.
Теперь гляжу в калейдоскоп,
Где запах вишни спаян с ночью,
Где витражи твоих волос
Воображение щекочат.

Дарья Горенкова

Родилась в 2004 году в городе Арзамас. Обучается в СПбГИК по направлению «Лингвистика». Печаталась в альманахе «Царицын», на арт-портале gUrU (Берлин). Переводит поэзию с английского языка.

Место проживания: Санкт-Петербург.

Милая бабушка, твои не забыты глаза
И теплые руки в пудре!
Целую до космоса и назад
В паутинку фиалковых губок.
Право, твои колокольни с утра
Звонят по усопшим и мирным,
И вороны грешных нас свысока
Ругают у низкой могилы.
Твои тополя склонились рыдать,
Молчать они будут вечность.
Позвольте-ка рядышком встать,
Земля мне сухая отныне – кровать!
Наполнилась комната вздохом последним,
И кровь превратилась в смолу...
У печки в избушке слагаются песни,
И ленту вплетают в косу.

Прижала русые виски
К земле – сестре по нраву.
Кто там? Вот льются по груди
Стихи из мятной раны.
Так жались в паутине зим,
В изгибе тел у жалких изб,
Сжигая дни в немой печи,

От дома к дому – где ключи?
Целуй – и будет тишина!
В молчании и есть спасение.
Целительна дворов тоска,
Как плечи наши у костра.
В стихах – шептание садов,
Июльский жар в молве сорок.
Не мой, однако ж, голосок
Под плиткой жмется между строк.

Быть мне поэтом – искать пристанище,
Воздух глотать, жабры отращивать!
Из воды в губы нырять без паузы,
Без креста на груди обманщице!
На перекресток рук в отчаянии
Кольца выложу обручальные,
Вечность в сплетении губ – мучение,
В поздний час целуй на прощание!
Тропы исхожены твоей ладони,
Где круги чертила мятым подолом.
Дом затопило фиалковым горем,
Тюль заскочил в пустые покои.
Брошусь опять на площади Млечные,
Лбом упаду на улицы встречные.
Солнце забьется в левом краю,
Пусть я по свету песней слыву!

На ладони – Невы берега.
Прячьте слезы, немые глаза!
Ветра имя – лед на язык,
Счастлив тот, кто к лику приник.
И поклон, и хвала – ночи без сна,
Очертанье улиц на лбу, у виска.
Нет, не пульс – бьется волна
И по вене бежит в рукава.

Ангел из гипса, кудрявый и робкий,
Детской раскрашен кистью.
Во имя зим в паутине солнца
Шепчет на ушко: «Ныне и присно».
Рассыпал из погреба тонну
Комет, Луну и орбиты.
Я ползала в платье по полу,
Их собирая в корзину.

Нина Дорогова

Я чаще Дорогова Нинка. Мне нравится наблюдать за нами и нашими глазами. (В нас много света!) Люблю говорить с людьми о совместном опыте переживаний. Часто смотрю в небо. По привычке машу себе в зеркале. Рыжая!

Родилась в 2009 году. Место проживания: Санкт-Петербург.

Просфорка для воробушка

Вина начинается в храме
Стоя в очереди на исповедь
Когда тебе исполняется семь.
Не смотри на кадило дедушки
Вспоминай про свой день рождения
Почему я иду не за руку
Перепутала рясу с юбочкой
Где же в этой толпе моя мамочка?
Достаю из кармашечка фантики
«Фантазируй играй и не спрашивай»
Скоро-скоро прочтется Евангелие
И с победой/конфетой расстанемся
На неделю.

Арина Вороновская

Я студент металлург, душа которого лежит к писательству. Состою в литературной студии «Скворцы» под руководством Анны Харлановой и в Совете молодых литераторов Липецкой области. Люблю свою московскую музу, без которой сил и вдохновения было бы меньше, и считаю, что литература может помочь человеку в любых жизненных ситуациях. Мечтаю стать филологом и продолжать писательскую деятельность.

Родилась в 2008 году. Место проживания: Липецк.

На стене написано...

– Юр, ты не обижайся, но...

Если тебе говорят «не обижайся», значит, сейчас прозвучат очень обидные слова, на которые обязательно нужно обидеться.

Юра привык к тому, что его творчество критикуют. Его давно записали в «дурачки, с которыми лучше не связываться», потому что чувствительная душа способна на самые неожиданные поступки. Сначала его и вправду задевала непрощенная критика, но с юношеским максимализмом проснулось страстное желание отстоять своё место в творческом мире.

– «Сцена – это хаос, где цветет порядок», о чем здесь? Это очевидное противоречие, – бушевал председатель ученического совета Никита Попов из одиннадцатого «А» класса, размахивая листком со стихами Юры.

Старшеклассник стоял на своём, сложив руки на груди, и намеревался затеять ссору, как вдруг вмешалась завуч:

– Воронцов, снять тебя со вступительной речи мы не сможем, – серьезно начала она, – открытие конкурса уже на следующей неделе, замены нет. Но, может, ты успел бы придумать что-то другое?

– А чем вам это не нравится? – вскипел парень.

– «Тишина взорвётся, шум здесь запоёт», – вклинился Никита. – Твои стихи – это просто бред. Читай их на квартирниках, но не перед всей школой со сцены.

– Это не бред, а метафоры! – воскликнул Юра. – Оксюморон! Хотя ты таких слов в жизни не слышал, – съязвил он.

– Там же есть и хорошие строчки, – заговорила Ольга Петровна, вырывая из рук красного от злости Никиты листок. – «Каждый наш участник – архитектор сказок», – процитировала она.

– Глупость! – твердил своё старшеклассник. – Ты что, пишешь для детей?

– «И искусством станет даже анекдот», – закончила Ольга Петровна.

– Да уж, твои стишки как настоящий анекдот, – скрестил руки Попов.

– Там есть продолжение, – начал Юра, но всю дискуссию прервала завуч.

– Так, Воронцов. Менять мы тебя не будем, но постарайся выступить хорошо, ладно? – устало попросила она. – Попов, займись... Чем-нибудь другим, – отмахнулась Ольга Петровна и вышла из актового зала, поставив в споре жирную точку.

Юра ещё немного посверлил взглядом Никиту и скрылся за большой дверью, кусая губы от раздражения. Они ведь не понимают! Вступительная речь не должна быть нудным, написанным по шаблону обращением, которое похоже на все прошлогодние. Она должна вдохновлять, вселять уверенность или просто веселить, именно тогда она будет иметь смысл. А этот Попов только строит из себя умного, а на деле лишь старается угодить учителям, поддакивая им в нужный момент. Но председателю совета, конечно, виднее, какая речь должна звучать.

Творческий конкурс, победа в котором – отправка лучших работ на выставку и в Дом культуры. Пой, рисуй, пиши, вышивай, пляши – покажи всё, на что способен. Вот и Юра хотел показать.

Его острый язык знали все, а кто не знал, тот просто ещё не сталкивался с парнем на уроке литературы, где тот вёл ожесточенные интеллектуальные бои с учителем. Одноклассники, затаив дыхание, наблюдали за перепалками Юры с преподавательницей, которая уже лет тридцать сидит в этой школе. Бывали случаи, когда на подмогу она вызывала своих коллег. Но они не всегда были согласны с её мнением, и тогда спор уже выходил за рамки обычной дискуссии с бестолковым учеником и превращался в настоящую войну, ведь когда с тобой не согласен школьник – это одно, а терять авторитет при разногласии с другими учителями – это совсем другое. Дошло до того, что всех участников спора вызвали в кабинет директора и Юре строго запретили говорить что-либо на уроках литературы.

В таких ситуациях полного непонимания он находил отдушину в поэзии. Воронцов питал надежду, что его чувства не останутся незамеченными, что даже в таком огромном мире есть хоть один человек, который найдет среди строк

именно тот смысл, который он в них вложил. Человек, который увидит частичку души автора, спрятанную в эпитетах, образах, сравнениях.

– Пушкина тоже никто не понимал, – высказывался он однажды на перемене, – а сейчас вон, светило русской литературы!

Тогда его обвинили в том, что он сравнивает себя с Пушкиным, и это вылилось в очередной спор на уроке. Одноклассники сказали ему спасибо, ведь им не пришлось отвечать у доски.

Юрка прогуливался в школьном коридоре и размышлял о видах самовыражения. Взять хотя бы того же Никиту, который в первый же день конкурса выставил напоказ свои скульптуры из глины. Сделаны они были грязно и грубо, не было мягкостивизгибахискладках. Уродливые статуи одиноко стояли рядом с кабинетом ИЗО. Юра не представлял, как такой человек, как Попов, может передать в своих работах хоть какую-то эмоцию кроме страдания. Лица выглядели совершенно несчастными, но старшеклассник был уверен, что так и было задумано. Никита не умел приносить радость. Оправдание «скульптура не должна быть весёлой» вполне подходило ему, по мнению Юры.

Или вот взять Иру Кузнецову. Девушка принесла свою вышивку крестиком и фигурки из бисера. На маленьком столике возле окна стояли различные зверюшки, картинки природы и даже простенькие натюрморты. Воронцов при всём желании не набрался бы терпения на такую кропотливую работу, поэтому Иру уважал чуть больше, однако и она не забывала похвастаться своим мастерством, что урок от урока начинало надоедать.

Совсем другое дело – Женька Белинский с его непонятным искусством, которое сам он называл авангардом. Во всей параллели парня считали странным. Один Воронцов верил, что старшеклассника ждёт большое будущее, если тот научится продвигать свои идеи в массы. Что у него получалось достаточно плохо, судя по тому, что Юра наткнулся в самом конце коридора на бедного Женю, которого облепила компания их одноклассников и ребят помладше.

– Это что, квадрат? – с насмешкой ткнул пальцем в холст один из них. – Что ты вообще рисуешь?

– Это бред сумасшедшего, – подхватил второй. – Кто в здравом уме будет кубики калякать?

– Это кубизм, – возражал Белинский, – отдельное направление авангарда, неучи. Хотя, если отличите квадрат от круга, вы уже прибавите в интеллекте.

– Да кому нужны твои каракули! – вскипел его одноклассник. – Ты и рисовать-то не умеешь.

– Картины пишут, а не рисуют, – подошёл Воронцов, привлекая к себе всё внимание.

Он выпрямился, руки засунул в карманы, всем видом показывая готовность к открытому спору. Ещё хоть одно слово – и здесь развернутся настоящие дебаты.

Компания, похоже, решила, что спорить с двумя «идиотами» не имеет смысла, и поспешила удалиться, не забыв пнуть подставку с картинами.

– Спасибо, – выдохнул Женя, – я был готов лезть в драку.

– Обращайся, – махнул рукой Юра.

– Это первый раз, когда мою работу называли картиной, – улыбнулся Женя и обвёл рукой всё, что принёс, – я очень долго работал над этим, но не было шанса кому-то показать.

– Они не понимают, – взгляделся в картину с квадратами Юра, – в конце концов, что они смыслят в геометрии?

– Да тут даже мыслить не надо, – внезапно оживился Белинский, – тут надо чувствовать, понимаешь? И не обязательно квадраты! У меня есть много других направлений, где каждый может найти что-то для себя. Главное – захотеть почувствовать, и вот в этом уже проблема, – поник он, – никто не хочет чувствовать как я.

Воронцов, до этого разглядывавший пестрые мазки краски, громко вздохнул.

– Зачем ты показываешь их, если знаешь о такой реакции? – спросил он.

– Если не пробовать, тогда ничего не изменится, – пожал плечами Женя, – пока кричишь, тебя слышат.

Воронцов огляделся. Весь коридор был заставлен чужими работами. Он подошёл к картине какой-то ученицы десятого класса и задумался.

– Как думаешь, что она хотела сказать этой работой? – обратился Юра к Женке.

На ней был изображен вишнёвый сад, в центре которого догорал старый дом.

– Может, она просто любит Чехова? – предположил Женя.

– Или это такая метафора, – сказал Юра, – даже в самом прекрасном пейзаже найдётся что-то прогнившее, сгоревшее изнутри, и обязательно будет мозолить глаза.

– Например, Попов? – улыбнулся Белинский.

– Точно! – засмеялся Юрка.

За перемену они до дыр засмотрели каждую работу и обсудили, как связаны кошки с жанром сюрреализма, почему картины задыхаются и что означают рыбы с оленьими рогами.

Через пару дней за школой Воронцов встретил перед уроками знакомого, томно смотревшего вдаль.

– Чего нос повесил? – спросил Юра, вставая рядом.

Женя помолчал какое-то время, а затем выдал:

– Скажи, Юр, тебя понимают?

Вопрос застал старшеклассника врасплох.

– В каком смысле?

– Самовыражение твоё.

Он призадумался.

– Не так, как мне хотелось бы, но я пытаюсь объяснить, чтобы как можно больше людей меня слышали. Ты что, паришься из-за тех дураков? Не принимай близко к сердцу Жень! – Юра хлопнул его по плечу.

– Да мне не нужно чужое понимание, мне от близких его не хватает! – не выдержал Женя, а затем добавил. – Меня Ира бросила.

Юра стушевался. Он знать не знал, что они встречались, а о причине расставания спрашивать было неловко. Так и стояли молча, разглядывая каждый свое. Женька – городской пейзаж на фоне утреннего солнца, а Юра – носок своего кроссовка, рисующего круги на асфальте.

Только после занятий Женя догнал его у раздевалки.

– Говорит, видите ли, я странный. «Вышивка – это понятно, а твои художества – нет». Чем вышивание крестиком может быть лучше искусства?! – негодовал он.

– Ну, – помедлил Юра, – это ведь тоже может быть формой искусства. Любое творчество – это искусство.

– Это да, но нельзя ведь сравнивать! Чем моё искусство отличается от её? – размахивал руками Белинский.

– Она не понимает, – тяжело вздохнул Юра. – У нее другое виденье, вы воспринимаете искусство по-разному.

– Это ведь не повод меня кидать! – вопил Женя.

Пришлось усадить его на ближайшую лавочку и дать успокоиться.

– Людей пугает то, что они не понимают, – заговорил Юра. – Ты выделяешься, ты другой. Она просто испугалась.

– Но я не знаю как... – начал Женя, но его тут же перебили:

– Нужны ли тебе люди, которые не способны принять твой внутренний мир? – спросил Воронцов, и собеседник засомневался. – Ты ещё всем покажешь, – пообещал Юрка. – Они все увидят, на что ты способен. Да она локти от зависти кусать будет!

Он присел рядом с товарищем и вдруг понял, что может назвать его другом. Этот несчастный художник сейчас был таким родным, его терзания отзывались в душе Юры, он буквально ощущал их на себе. И эти чувства оседали в сердце тоской, разделенной на двоих. У них было гораздо больше общего, чем казалось.

– Меня родители не понимают, – поделился старшеклассник, – говорят, стихи не мужское дело. А как мне вырвать это из себя?

– Отказаться от кисточек с красками я бы тоже не смог, – грустно улыбнулся Женя.

– Вот и я об этом, – подытожил Юра.

На следующий день Воронцов был как на иголках: обещали вывесить список победителей. Постоянно мотался к стенду с объявлениями и, не увидев там заветного листочка, медленно тащился обратно в кабинет. На отбор он принёс свои самые лучшие стихи и, конечно, ждал, что ему дадут шанс проявить себя в более широких кругах. И даже зная, что Попов уж точно проголосует против, Юра верил, что положительных реакций будет больше. В свою очередь он ещё в первый день проголосовал за Женю и надеялся на его победу.

День тянулся медленно, а оглашение результатов затягивали. После уроков Юрка сорвался с места и увидел образовавшуюся у стенда толпу. С трудом прорвавшись, он пробежал глазами по списку и не увидел своей фамилии. Он прочитал ещё раз, но ничего не изменилось. Ему захотелось схватить этот листочек и прожечь его взглядом, но тело оцепенело. Сзади слышались смешки, кто-то шептался рядом с Юркой, но тот ничего не замечал. Рядом стоял Попов с самодовольным выражением лица. Конечно, он победил. Скрестив руки на груди, Никита будто говорил: «Я был прав». Юра вспомнил его критику и слова о глупости, вспомнил всё, что ему говорили другие. Он проиграл, и ему больше нечего сказать.

Засунув руки в карманы, Юра побрел на улицу. Во рту стало так сухо, было сложно даже голову поднять. Под ногами мелькали камушки и отчаянные травинки, смело пробивавшие асфальт своей жаждой к жизни. И, как эти зеленые крохи, творец жаждал признания. Он не раз сталкивался с обесцениванием, осуждением, насмешками и откровенной неприязнью, но парень не терял надежды и вновь отдавал всего себя, зачитывая очередную строку. Но как растения увядают без воды, так и вера в душе поэта угасала, ему все сложнее было показывать свои работы.

Сегодня он не просто проиграл, сегодня он лишился чего-то важного. Внутри него что-то сломалось, разлетевшись на мелкие осколки. Опора, которая поддерживала его стойкость, которая не позволяла опускать руки, которая помогала после падений вставать и идти дальше, рухнула. Он не зачитает свои стихи перед публикой, его не услышат одинокие умы, способные на понимание. Он остался один со своей израненной творческой душой.

Таким же одиноким остался и Женя, его тоже не было в списке, и Юра представить не мог, как расстроится друг, ведь сегодня он не пришёл в школу и не видел результатов. Он хотел было позвонить ему, но тут Белинский появился перед ним с улыбкой до ушей. Счастливый. Конечно, он еще не знает.

– Я тебя везде искал, – начал друг радостно.

– Жень, – убито вздохнул Юра, – мы не выиграли.

– Я знаю, – блаженно протянул Белинский, – Юра, я...

– Пойдём отсюда, а? – не поднимая глаз, говорил старшеклассник, он больше не мог находиться рядом со школой. – Тошно мне от них.

– Да ты погоди, – размахивал руками Женя.

– Не поймут нас, Жень. Не понимают и не поймут, – впал в отчаяние Воронцов, как вдруг Женя резко дёрнул его за плечи.

– Юр, да ты посмотри, что на стене написано! – воскликнул он.

Юра не понимал, какие слова могли заставить Белинского скакать от радости. Что сейчас может быть важнее результатов конкурса? Женя уверенно тянул друга за собой. Он привёл поэта к старому школьному гаражу, вокруг которого почему-то толпились люди. Юра слышал разговоры, видел, как тыкали пальцем и удивлялись, снимая что-то на телефоны. Он заметил Кузнецову, закрывшую лицо руками. И только пройдя вперёд, Юра обомлел.

На стене школьного гаража был изображен портрет Иры. Мелкие мазки складывались в живописную картину, розовые и жёлтые краски выделяли волосы и кожу, и лишь небесно-голубые глаза заглядывали прямо в душу смотрящего. Воронцов раскрыл рот от удивления. Даже Попов, выбежав из школы, застыл на месте. Приходило всё больше и больше людей, а Юрка так и смотрел на портрет, не в силах оторвать взгляд.

Друзья ушли в тихое место, когда учителя стали выглядывать из окон и разгонять толпу.

– Мне точно влетит, – улыбался Женя.

Они сидели на бордюре рядом с домом, издалека наблюдая за школой.

– Как ты это сделал? – восхищался Юра.

– Купил баллончики с краской и просто перенёс уже готовый портрет на стену, – пожал плечами Женя. – Я хотел подарить его, но не успел.

– Ты правда сумасшедший, – засмеялся Воронцов.

– Нас услышат! – воодушевленно произнёс Женя.

Он откинул голову, подставляя щеки майскому солнцу. Юра же обхватил колени руками и думал, как в понедельник взбешется директор, как сделает выговор непутёвому художнику, а тот будет лишь улыбаться.

– Ты правда так думаешь? – с надеждой спросил Юра.

– Конечно, – ответил Женя, – мы ещё всем покажем. Не ты ли это говорил?

Юрка кивнул. А ведь это были его слова...

Подул тёплый ветерок, и Юра вдруг почувствовал прилив сил. Под ноги начала возвращаться земля.

– Ты прав. Мы ещё всем покажем.

Вера Замыслова

*Мои увлечения: музыка, литература, французский язык, артхаусный и нуарный кинематограф.
Родилась в 2009 году.*

Место проживания: Москва.

Сказка о Ёжике, который любил Звезду

В недрах леса, в самой-самой чаще, жил один Ёжик. У этого Ёжика было всё, что требуется порядочному ёжику для уютной и спокойной жизни: не очень большая, но и не очень маленькая норка на глубине, куда не проникают зимой холод и мороз, а летом – жара и засуха, в норке – плита, собранная из жестяного коробка из-под печенья и сломанной конфорки, найденной на свалке, на полочках – запас варенья из шалфея и ромашек на полтора года вперёд, в углу – гнездо из лоскутков, в котором Ёжик спал, а посреди норки вместо стола – кукольная табуретка всего на трёх ногах, найденная на той же самой свалке, которая для жителей леса была чем-то вроде огромного универмага... Но было у Ёжика ещё кое-что, чего не было ни у одного другого ёжика в лесу – у Ёжика была его Звезда.

Откровенно говоря, Звезда Ёжику не принадлежала, потому что Звезда вообще никому принадлежать не может – и Ёжик это понимал, но всё равно называл её своей. Звезда была не такая «своя», как норка, гнездо, плита из жестяного коробка или варенье – она была своя, потому что Ёжик её любил, а когда кого-то любишь, он всегда становится твоим, даже если этот кто-то – Звезда.

А любил свою Звезду Ёжик давно. На стенке у него висел календарик, в котором он каждое утро старательно, высунув кончик языка, отмечал огрызком красного карандаша дни: сколько дней обвёл, столько и любил Звезду.

Все остальные ёжики его возраста уже обзавелись семьями с бесчисленным количеством ежат – у кого-то ежата даже пошли в школу, а Ёжик всё жил и жил один своей холостой жизнью: так думали все остальные, но только не сам Ёжик. Ёжик знал, что, если любишь, значит, ты не один, пусть даже тот, кого любишь, не знает о тебе, пусть даже он – Звезда.

Но большинство ежей этого не понимало. Большинство, которое всегда правей, чем меньшинство, считало, что Ёжик немного не в себе: ведь они думали, что у него нет никого в целом свете. Но у Ёжика-то была его Звезда, и хоть она сияла в далёком

космосе, иногда ему казалось, что она гораздо ближе, чем те, с кем он живёт в одном лесу, потому что Звезда всегда понимала его, пусть никогда и не говорила этого вслух, а Ёжик всё равно знал, что она понимает, знал – и всё.

По ночам, если небо было ясным, Ёжик вместе с трёхногой табуреткой выходил на поляну перед своей норкой, осторожно садился, замирал, чтобы табуретка не качалась, и смотрел в небо, где горела его Звезда. А если небо ясным не было и серые тучи закрывали Звезду, Ёжик грустил. В такие вечера он сворачивался клубком в своём гнезде из лоскутков и мечтал, мечтал, мечтал... Мечтал о разном: как танцует со Звездой, как дарит ей цветы и банку своего варенья, как рассказывает ей обо всём – обо всём... И, рассказывая, засыпал на полуслове. Но во сне Звезда к нему почему-то никогда не приходила, зато снилась какая-то чепуха: вечно ругающиеся соседи-кроты или варенье, в которое он почему-то обязательно вместо сахара клал соль, или снилось ему, что он убегает от волков, цепляясь за кусты, коряги и чьи-то мохнатые хвосты... В общем, ясных ночей Ёжик ждал больше всего на свете, потому что тогда он мог увидеть свою Звезду по-настоящему, а не в мечтах.

Свою Звезду Ёжик узнавал без телескопа, без бинокля и без чертежей созвездий: ему не нужны были ни её номер, ни её координаты. Кажется, что звёзды между собой похожи и даже, может быть, все на одно лицо, но стоит только полюбить одну из них, как сразу понимаешь, что твоя – совсем другая, что свет её теплее и искристей, чем свет других. Звезда Ёжика сияла ярче всех и каждую ночь восходила прямо над его норкой – специально для него. И тогда Ёжик садился на свою трёхногую табуретку, поднимал голову в небо и улыбался Звезде, а Звезда улыбалась Ёжику. Улыбка у Звезды была особенная, потому что улыбалась Звезда редко. Обычно редко улыбаются те, у кого очень красивая улыбка, но при этом очень сложная жизнь: у Звезды всё именно так и было. Она никогда не говорила об этом Ёжику, но он всё равно знал, а Звезда знала, что он знает.

Иногда Звезда не улыбалась Ёжику и, наоборот, была печальной, а временами даже злой. Но Ёжику было всё равно, в каком она расположении духа, ведь главное, что она есть и что она светит ему. А Звезда знала, что Ёжик ждёт её любой, и поэтому приходила, даже если была зла.

«А если Звезда светит не только мне, но и кому-то ещё? – думал однажды Ёжик. – Ведь она такая красивая, такая мудрая... Ведь наверняка в каком-нибудь другом лесу сидит другой ёжик на другой табуретке – быть может, тоже на трёхногой – и смотрит на мою Звезду. И как я только мог вообразить, что я у неё один?»

По остренькой мордочке Ёжика скатилась слеза, и он удивился, потому что не думал, что может вдруг вот так ни с того ни с сего заплакать.

«А может быть, в этом и нет ничего плохого? – подумал он, представив, что тот, другой ёжик из другого леса сидит на другой трёхногой табуретке и тоже плачет. – Наверное, это даже хорошо. Ведь Звезда светит и ему тоже, и другой ёжик, наверное, тоже считает её смыслом своей жизни. А разве это плохо, что в мире на одного осмысленного ёжика больше? Это совсем не плохо, это очень даже хорошо! Наверное, других ёжиков гораздо больше, чем один. А моя Звезда светит для них для всех – и каждый думает, что она – его. Ну и пусть. Наверное, я даже люблю этих других ёжиков, потому что они такие же, как я, – осмысленные, немножко одинокие, немножко грустные и очень-очень счастливые, потому что у них тоже есть их Звезда».

И тогда Ёжик улыбнулся.

– Здравствуй, Ёжик. Зачем ты плачешь? – спросила Звезда.

– Привет, Звезда! – ответил Ёжик. – Уже незачем, уже не плачу, всё хорошо.

– Хорошо. Как ты, Ёжик?

– Я – ничего. Немного грустно без тебя, но ты же где-то есть. Вот сегодня на меня упало яблоко, когда я ходил гулять по дачам: было больно, но не очень. Зато теперь у меня есть яблоко – будет, из чего варить варенье на зиму... Хотя, если честно, я больше люблю малиновое. Я бы отдал яблоко тебе, Звезда, но не могу, ты же так высоко... Если бы можно было подобраться к тебе чуть поближе – я бы отдал, – печально вздохнул Ёжик.

– Ничего, Ёжик. Ты же сам говорил, что ближе меня тебе никого нет – помнишь? Границы, километры и даже миллионы световых лет, разлучающие нас, лишь условности: на самом деле я всегда с тобой, хоть этого никто не знает.

– Помню, Звезда. А правда, что люди-космонавты могут увидеть тебя вблизи, если полетят в космос?

– Правда, Ёжик. Они фотографируют меня и берут эти фотографии с собой на Землю, чтобы другие люди тоже смогли меня увидеть. Ты бы так хотел?

– Очень бы хотел, Звезда... А мне можно?

– Ежи не летают в космос, Ёжик, – грустно ответила Звезда.

– Ну ничего. Знаешь, Звезда, если бы я всё-таки смог попасть в космос, я бы подлетел к тебе близко-близко и крикнул: «Я люблю тебя, Звезда!» – и подарил бы тебе цветы с моей полянки... – мечтательно проговорил Ёжик так тихо, чтобы услышала только Звезда. – А ещё бы взял ав-то-гав.

– Ты имеешь ввиду автограф?

– Да-да, его. Я слышал – мне рассказали, то есть, – что люди берут у звёзд этот самый автограф. А что это такое, Звезда? И как людям удаётся его брать?

Звезда рассмеялась.

– Автограф, Ёжик, это первые буквы имени и фамилии какого-нибудь человека, которые он пишет своим почерком на документах, а если известный, то ещё и раздаёт поклонникам. Но те, кто рассказал тебе об этом, имели в виду других звёзд, земных; так люди называют известных певцов или певиц, актёров и актрис... А мы, настоящие звёзды, можем только светить.

– А жаль... Я бы взял у тебя автограф, Звезда, если бы всё-таки смог увидеть вблизи.

И Звезда улыбнулась Ёжику.

– А какая у тебя любимая буква, Ёжик? У меня – «Р».

– А у меня – «З».

– А почему не «Ё»?

– Потому что «З» – это ты, – очень серьёзно ответил Ёжик.

– Звезда... – позвал Ёжик.

– Что?

– А правда, что звёзды падают с неба?

– Правда, Ёжик.

– Значит, и ты когда-нибудь упадёшь?

– Да, когда-нибудь...

– Это значит, что ты умрёшь?

– Да, Ёжик.

Ёжик погрустнел. Он представил, что с ним будет, если Звезда умрёт, и снова почти заплакал.

– Звезда...

– Да, Ёжик?

– А ты можешь умереть позже меня?

– Наверное, могу. А ты бы хотел, чтобы так произошло?

– Да, очень...

– Хорошо, тем более, обычно звёзды живут дольше ежей.

– Но ты же старше меня, Звезда?

– Старше, Ёжик. Намного старше.

– А сколько тебе лет, Звезда? Больше, чем четыре?

Звезда снова рассмеялась.

– Намного больше, Ёжик...

– А сколько?

– Сорок семь миллионов лет.

– Ого... На сколько же ты меня старше?

И Ёжик стал считать, загибая пальцы. Считал, считал... А Звезда ждала, пока он посчитает.

– На сорок шесть миллионов девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто пять лет! – воскликнул Ёжик.

– Девятьсот девяносто шесть, Ёжик. Но всё равно – ты молодец. За всё то время, что я свечу на небе, я ни разу не видела такого умного ёжика.

И Ёжик покраснел: он всегда краснел, когда Звезда его хвалила.

– Я ведь, Ёжик, даже не совсем звезда... Ты знал?

– Нет, – удивился Ёжик. – А кто же ты?

- Я – астероид номер 1014: так меня называли люди, которые меня обнаружили.
- А как же тебя могли обнаружить люди, если ты появилась за много-много лет до них?
- Они увидели меня в телескоп.
- А так, без телескопа, не видели, что ли? Глупые какие...
- В телескоп они сумели рассмотреть меня так близко и подробно, как будто я – не звезда, а лампочка под абажуром. Ты бы хотел увидеть меня так близко, Ёжик?
- Очень... Только не в телескоп, чтобы не так, как лампочку!
- Послушай, Ёжик, а почему среди всех звёзд ты выбрал именно меня?
- Ну как же... Ведь ты – моя.
- Но я же не всегда была твоей.
- Нет, не всегда... Просто я однажды шёл-шёл, и вдруг услышал, как кто-то поёт. Огляделся вокруг – никого нет... Посмотрел на небо – и увидел тебя. Это ведь ты пела, Звезда?
- Да, Ёжик, я.
- Ну вот... Тогда я тебя увидел и сразу полюбил. Скажи, Звезда, а это ты тогда для меня пела?
- Нет, Ёжик... Я пела для другой звезды.
- Звезда подумала, что Ёжик расстроится, но он не расстроился, а наоборот – даже обрадовался.
- Значит, ты тоже любишь, Звезда? Ты любишь букву «Р», потому что с неё начинается твоя звезда?
- Да, Ёжик.
- Это хорошо... А где твоя звезда?
- Далеко, Ёжик.
- А она тебя любит?
- Любит.

– Значит, у вас всё хорошо?

– Не всегда, но в целом – да.

– Это хорошо...

– И ты не ревнуешь меня к ней, Ёжик?

– Нет, Звезда.

– Совсем?

– Совсем.

– А почему?

– Ну как... Ты же не можешь меня любить, потому что ты – звезда, а я ёжик, а звёзды ёжиков не любят, зато могут любить другие звёзды. Мне бы хотелось, чтобы ты была счастлива, Звезда, а когда по-настоящему любишь, то обязательно счастлив, даже если не всегда всё хорошо.

К лесу подкрадывалось утро, а как бы Ёжику хотелось, чтоб утра не было, чтоб ночь была всегда! Ведь утром его Звезда уходила – наверное, к другой звезде, имя которой начинается на «Р». Подумав об этом, Ёжик перестал грустить и улыбнулся – ведь сейчас его Звезде, наверное, так же хорошо, как было ему ночью, и она, наверное, тоже сидит на табуретке, – может быть, даже на такой же трёхногой, как у Ёжика, – и поёт той, другой звезде, которая её.

– Пока, Звезда! Я завтра обязательно приду ещё, ты будешь меня ждать?

– Конечно, Ёжик... – отозвалась Звезда, скрываясь в облаках.

«И как только живут другие, не любя свою звезду? Ведь это так прекрасно – даже у моей Звезды есть своя звезда. И как, наверно, тяжело живётся тем, у кого звёзд нет! – подумал Ёжик, сидя у окна. Мимо него прошла семья ежей: мама, папа и восемь ежат. Ёжик и про них подумал грустно: – Они, наверное, счастливы... Вот только звёзд-то у них нет».

Мария Кудрина

Пишу стихи и песни в жанре бард-рока, играю на гитаре, учусь в художественной школе, рисую. Финалист многих конкурсов. Лауреат 2-й степени в конкурсе «Юное перо Московии», финалист XI международной литературной премии «Глаголица». В 2025 г стала лауреатом 1-й степени во Всероссийском фестивале-конкурсе «Русский лад» и лауреатом 1-й степени во Всероссийском фестивале-конкурсе «Богатырская сила». Участвовала в поэтическом спектакле «Глаголы. Рифмы. Мысли», который проводился в Российской государственной детской библиотеке 23 марта 2025 г., а также в рамках фестиваля «Красная площадь» 5 июня 2025 г. У меня есть публикации в сборнике «Зелёный листок 2024–2025», в альманахах «Богатырская сила – 2», «Богатырская сила – 3» и в 11-м номере альманаха литературной премии «Глаголица», в электронном сборнике «Я слышу твой голос, Родина».

Меня вдохновляет творчество Константина Симонова, Александра Башлачёва, Виктора Цоя, Юрия Волка, Юнны Мориц, Дмитрия Артиса, Наталии Тебелевой и др.

Родилась в 2009 году. Место проживания: Москва.

Мне нравится чьи-то стихи на себя примерять
И в них находить необычное сходство с собою.
И братья своею рукою за их рукоять.
Держать, как ракушку, их, слушая песню прибоя.
Люблю я стихами наполниться вся, до краёв,
Когда они честные, чистые и без эмали.
Тогда лишь получится дать миру что-то своё,
Когда и тебе уже что-то до этого дали...
И, книгу открыв, сунув руки в сплетенье волос,
Я чувствую образ, что воином Слова был создан.
Читаю стихи, до мурашек читаю, до слёз.
И мне горячо-горячо, будто трогаю звёзды.

МЫ ИДЁМ С ТОБОЙ, РУСЬ

Где-то там говорят, как ты им опостылела, Родина,
Как хотелось им глупой, безвольной и слабой страны.
Как хотелось, чтоб ты была копией чьей-то, пародией,

Как хотелось им денег и как не хотелось войны.
Где-то там разговор перешёл из пустого в порожнее.
Там всё так же твердят, что народ неотёсан и груб.
Мы идём с тобой, Русь, по нередкому здесь бездорожию,
Лишь слегка усмехаясь краями обветренных губ.
Ну а небо над нами бескрайнее, чистое-чистое...
Божий свет не затмила в себе ты, могучая Русь.
Ветер дует в лицо, то холодный, то злой, то неистовый.
Обопришь на плечо мне, а я на тебя обопрусь.
Ветер дует в лицо, потому-то от пыли мы чистые.
В русских косах твоих кое-где пролегла седина.
Я признаюсь тебе, что люблю тебя пламенно, искренне.
Для меня ты, Отчизна, на свете такая одна.
Я не верю таким, кто слезы твоей жаркой не чувствовал,
Прижимаясь к тебе покрасневшей от ветра щекой.
Мы с тобою идём. Знай, я очень горжусь, что я русская.
И тебя не хотелось вовеки мне видеть другой.
Мы идём с тобой, Русь, дышим русским, особенным воздухом.
А захочется спеть – так вся наша душа запоёт.
Вот такой мы народ... Вот такими мы Господом созданы.
Мы с тобою идём, обхвативши друг друга, вперёд.

ГОРОД

Под пальцами струна задребезжала,
И за окном, как пёс, залаял гром.
А город был промокший и усталый
И представлял собою монохром.
Струна, дрожа, скрипела и звучала,
И капли били в сонное стекло.
А света было мало, очень мало.
Здесь солнце уж с неделю как ушло...

И город ждал семь долгих дней рассвета.
В глазах домов горел неярко свет
С утра до ночи. Всё лишилось цвета.
Семь дней похожи были на семь лет.
В них всё слилось, единым стало звуком.
Который час? Которое число?..
Но тихим утром, протянувши руку,
Несмелый луч ударил о стекло.
И музыкант, весёлый и усталый,
Шёл по траве, меся ногами грязь,
Встречать рассвет пришедший, ярко-алый,
Когда струна дождя оборвалась...

Вадим Кузьмин

Родился в 2008 году. На данный момент проживаю в городе Петрозаводске, обучаюсь в Карельском филиале Юридического полицейского колледжа по специальности «Юриспруденция». Пишу стихотворения и рассказы. Раз в месяц выступаю на открытом микрофоне в «Литературной гостиной» города Петрозаводска. Преподаю в воскресной школе. Из увлечений: актёрская игра, написание сценариев, организация мероприятий.

Природа

В прекрасном парке у воды росла изящная яблоня. Её плоды освещались жёлтыми лучами солнца и оттого становились ещё краше. Недалеко от яблони стоял могучий, крепкий дуб.

Несколько желудей упали на землю, и к ним подбежала свинья, желая полакомиться. Но дуб зашумел, затрещал и пробормотал:

– Не смей трогать мои жёлуди! Убирайся прочь!

Испуганная свинья быстро побежала и стукнулась о яблоню.

– Хрю, извините. Я уже ухожу. Хрю, хрю.

Яблоня улыбнулась и разрешила свинье забрать все яблоки, что упали на траву. Свинья была в восторге! Она, прихрюкивая, кушала наливные яблочки. Грозный дуб в то время старательно закидывал все жёлуди себе в дупло и старался не оставить ничего.

Через несколько месяцев по парку гулял дедуля со своей собакой. Он восхищался природой и, целуя цветочек, приговаривал: «Целую руку, тебя создавшую». Восторженным взглядом охватывал всю поляну. Но, увидев высохший, умирающий дуб, пришёл в ужас.

– Дубочек, ты, никак, захворал?

– Не знаю, – проскрипел трухлявый дуб, выплёвывая остатки пережёванных желудей.

– Хм-м, а я, похоже, догадываюсь.

– У-у-ух, – вздохнул дуб, слегка покачиваясь от ветра.

– Дубочек, оглянись вокруг. Солнце не светит само себе, вода поит других, не себя. Яблоня даёт плоды людям и животным, но не питается ими сама. Мир создан Богом так, что всякий питает всякого и каждый тесно связан. Никто не живёт и не умирает для себя. Если же ты пытаешься насытиться сам, то от избытка погибаешь.

Дуб прохрустел и с неохотой признал свои дела неправыми. Между кусочками его коры потекли прозрачные ручейки. Именно с момента прозрения ты становишься другим, сначала внутри себя, а затем снаружи.

Мария Попова

Мне 16 лет. Учусь в 10-м классе ОГБОУ Гимназия №1 г. Ульяновск. Последние 3 года увлекаюсь филологией: в прошлом году я стала победителем всероссийской олимпиады школьников по литературе за 9-й класс и участвовала в образовательной программе «Литературная критика» образовательного центра «Сириус». Я пробую себя в писательстве, самыми яркими моими работами стали произведения «Дыр бул щыл» и «Победа над Солнцем?», опубликованные в литературном сборнике молодых авторов «Альманах. Сириус. Регионы» (выпуски зима 2024–2025 и лето 2025).

ДЫР БУЛ ЩЫЛ

Он и она на перроне вокзала. Он опоздал на поезд, она забыла багаж в вагоне ушедшего в поезда. Нервы на пределе.

Стоит, бежит, несётся...Скачет и смеётся...Кувыркается и свищет, пробивая мыслей днище – электричка: «Ха-Ха-Ха – я строю метрическую схему!»

Семенит, семенит, семенит...БАМ! Столкновение носами!

Евгений Брям

– Елизавета Бам! Который час?!

Елизавета Бам

– Уже доходит февраль!

На небе светила наглая рожа, ухмыляясь. Ужо тебе! Пекло пекло, и светило светило.

Елизавета Бам

– Вы мой багаж?

Евгений Брям

– Никак нет! Я подсолнух!

Тысячи солнц скатились с неба мне прямо в рот! Тьфу – и попрыгали попрыгунчиками по пер-rrr-рону.

Евгений Брям

– Зайчики! Зайчики! Я тоже зайчик! Смотрите, Елизавета Бам, я к Вам горю!!!

Елизавета Бам

– Перестаньте, потушите, помогите! Мне страшно! Где мой чемодан?!

Посыпались нервы, большие, маленькие, с хвостиками: «Где чемодан? Где чемодан?» «Пинь-пинь-пинь», – раздался из лязгающий звон.

Евгений Брям

– Пойдите, Елизавета Бам, вы мой транспорт! Позвольте же, я на Вас полечу!

Елизавета Бам

– Да вы же грязный, в калошах, не положено!

Елизавета Бам и Евгений Брям забежали по пер-ррр-рону, размахивая руками, как регулировщики.

Елизавета Бам

– Где мой чемодан?! Где мой чемодан?!

Евгений Брям

– Вы мой журавль! Я на вас улечу на юг, перезимую и...

Упал. Евгений Брям упал. Я не шучу!

Елизавета Бам

(тормоша за плечо собеседника и тыча в него фотокарточкой)

– Евгений Брям! Евгений Брям! Страшно?

Евгений Брям

(принимая лбом фотокарточку)

– Разве шляпа страшная?

Елизавета Бам

– Как вы смее! Это же удав, проглотивший слона!

Из-под шляпы выскочил слон, проревел во весь хобот и потопал на Елизавету Бам и Евгения Брям.

Евгений Брям

– Поскакали!

Евгений Брям и Елизавета Бам поскакали каурками по пер-rrr-рону.

Елизавета Бам

– Ыыыыыы, черносливыыы...

С неба посыпались черносливы размером с грецкий орех и, отскакивая от стен, щекотали шею.

Евгений Брям (задыхаясь)

– Мои ноги огурцыыыыы!...

Слон всё нёсся, весь вокзал трёсся... Небо разрознилось! Из бумажной дыры сероватых облаков показались две громадные руки и большаааая голова!... – Ерик!

Ерик

– Стоп! Немая сцена!

Всё застыло. И бегущий слон. И прыгающие черносливы. И катившиеся солнца. И Евгений Брям. И Елизавета Бам.

**Евгений Брям
(повернув голову)**

– Елизавета Бам! Который час?!

Победа над Солнцем?

Увы, Солнце обиделось. Я решил покончить с этим беспределом, собрался и вышел на улицу. Дома были вывернуты наизнанку, улицы вели вниз под углом в сто три градуса, а небо было свернуто в бумажного лебедя.

– Мда, настоящая победа над Солнцем.

Прохожие плавали брасом по земле, а я пытался понять по ветру, когда же будет трамвай.

– Уважаемый, скоро ли проснутся трамваи? Мне срочно надо к Солнцу!

– У них зарядка в семь тридцать! Как станцюю вальс, придут! А зачем вам Солнце?! Мы же лююдиинии!

Дальше он поплыл кролем, бормоча что-то себе под ухо про лёгкость на душе и пропажу «вчера». Может, тоже пойти повеситься с голода? И вдруг будто из моего живота раздался вороний гай, и звоны лютни, и дальние громы, и вправду, мои брюки улетели в небо, а из них выезжал красный трамвай. Мой трамвай бежал на своих коротеньких четырёх, переступая звёзды, – у него марафон!

– Куда вам?

– Мне к Солнцу.

На завтрак подавали абсурд под заправкой зауми языка и отсутствие смысла всех сортов. Я отказался.

– Мне, пожалуйста, тщеславие человеческое с перетёртой гордыней!

– Mon cher, но ведь эта опция sold out!

Живот орал в сто сорок голосов, но я смотрел в окно. Маршрутка танцевала танго с трамваем, коровы читали книжки на перекрёстках, а круги, квадраты и прямоугольники повыпрыгивали из картин Кандинского и хором пели песни Аукциона. Мир тает... Москвой... Китаем, бармен разливал Неву по бокалам, а бухгалтер спорил с Юпитером. Это Питер.

– Сколько времени?

– Что такое время? Его ведь больше нет!

Приехали. Автомобильные гудочки и звоночки коночек сыграли на трещётке из моих нервов. Пришлось собирать прыгающих прямо на крыльце.

– Дармоед, открывай!

За дверью слышались музыкальные треугольнички, как из «Вальса» Доги. Хочу испуг не показать, но слегка ретируюсь задом. В одно время с моих висков разлились нилы пота – я погиб!

За дверью стояло обиженное, как ребёнок, Солнце. На его бледно-жёлтом лице выделялись глубоко опечаленные глаза, будто две до жути грустные марианские впадины. Я пожал ему руку и даже не обжегся – переживает сильно.

Солнце растекалось по скамье, как раскалённое железо.

– Да возьмите же себя в руки! – Я помолчал полминуты и выпалил: – Да послушайте, люди ведь глупые, не понимают ничего, а потом сами из-за себя страдают! Это человеческая ось!

– Ось, говоришь? А мне, думаешь, легко всегда думать о вас? Я бы сиял, как диско-шар! Я бы осветил всю Вселенную своим светом!.. Люди сами меня уволили!

Раскрасневшись, Солнце надувало щёки, его глубокие глаза заливались ненавистью и лавой, и Солнце... лопнуло. У меня в груди всё громко-горько йокнуло, и я, охая, хлопнул дверью.

– Солнце село навсегда – особенно неистовствовал дворник, а у остальных «человек» звучит гордо.

Я

Никто мне не сказал, что я пропал,

Что был потерян, брошен и не найден!

АукцЫон

Я вышел на улицу – промозглый холодок забирался мне под кожу, было отвратительно сыро. Я чувствовал себя потерянным, всё те же знакомые дома, двор, калитка, уставшие лица прохожих, но мне словно чего-то не хватало. Я невольно оглянулся, аккуратно охлопал себя, проверил карманы – всё на месте. Подождите, а где мое «я»?

Улица опрокинулась ноябрем, я бешено встряхивал каждого незнакомца, спрашивая, не брал ли он моё «я». Знакомцы отказывались помогать, ссылаясь на мое отсутствие. Я смотрел везде: под камнем, в переулке, в клюве у чайки, в пустыне Гоби – нигде не было!

Я подбежал к полицейскому – вера в добро и справедливость меня не покидала.

– Извините! Меня обокрали! Я не могу найти свое «я»! – пробарабанил я губами.

– Что ж вы так орете! Кто и когда? – морщился слегка оглохнувший полицейский, сжимая крепко ручку.

– Я... я не знаю, может ночью, а может... сейчас! Или два года назад...

– Имя, фамилия?

Я замер в непонятном ожидании. В моей груди рос зловещий страх, как будто я вновь ребенок в детском саду, у которого спросили, как зовут маму. Я не знал, кто я такой.

– Пишите «некто»

– Да как же «некто», если «никто»! Пустая графа – вас нет! Вы больше не числ...

Слова растворялись в пространстве и не доходили до моих ушей. Перед глазами всё начало плыть. Я будто тоже начал плавиться, мои конечности не слушались меня, переплетаясь в хитроумный узор. Я попытался бежать, но у меня пропали стопы, уши, потом пропал мой нос и брюки, и улетели в небо руки. Исчез мой рот и позвонок, и стало как-то невдомёк, что пропадает, всё, что было – все члены, как стекает мылоо...

Я исчез окончательно. Озвученный приговор полицейского до сих пор трещал у меня в ушах. Уже ... лет я бродил по небу, размышляя над всем произошедшим. Вдруг я споткнулся об мальчика.

– Прости, – прошептал я, удивившись своей рассеянности. Мальчик сидел ко мне спиной, и как таковой одежды на нем не было, хотя и нагим его не назовешь. Он излучал легкий свет всем своим существом, как едва видный в гуще ночи светлячок. Его фигура казалась настолько хрупкой, что я даже побоялся к нему прикоснуться.

– Попроси лучше прощения у самого себя, – слегка усмехнулся мальчишка.

– За что?

Не оборачиваясь, мальчик провел по воздуху рукой. Пространство разрознилось, и передо мной начали мелькать разные лица: хитрые, злые, гогочущие, льстящие, наигранно плачущие, – и все были мои!

– Ты так старался их примерить, что позабыл, какое было настоящим, – проронил он без всякой злобы, с детской наивностью в голосе.

В это мгновение перед моим носом пролетела невесомая бабочка. Она казалась

до боли знакомой, родной, будто раньше она принадлежала мне самому. Увидев ее, мальчишка аккуратно встал и вприпрыжку поскакал за ней, представляя, что его руки – это крылья.

Я замер. Меня обступала немота. Вдруг я почувствовал кончики пальцев. Кровь приятно разливалась во всему телу, и конечности оттаивали от многолетнего онемения. В звенящей тишине слышался стук, тихий, размеренный, – я положил руку на грудь и внимал этому ритму.

– Нашел... – едва слышно пробормотал я, сдерживая подступающие слезы. Синяя вечность неба расстилалась перед моими глазами, переливаясь детским смехом.

Катерина Тищенко

Родилась в 2010 г. Ученица девятого класса с неопределённым пока будущим. Чуть-чуть художник, чуть-чуть писатель и не чуть-чуть увлекающийся человек. Финалист XII международной премии «Глаголица» в номинации «Эссеистика».

Классический любовный роман

– Блин, Яр, ну согласишься, он крутой, – Алина с придыханием смотрела на подтягивавшегося на турнике Артура. Мокрая от пота футболка прилипла к телу, волосы растрепались. Яра закатила глаза. Только взглянув на Артура, все девчонки почему-то таяли, как желе на солнце. И это при том, что на соседних турниках сидели его друзья. Такие же самовлюбленные типчики, как и он. Но глазеют все девушки именно на него.

Он мечта всех девчонок. Красивый, с хорошим чувством юмора. Гоняет на мотоцикле. Подтягивается и отжимается больше всех в параллели, физрук возлагает на него большие надежды, которые Артур регулярно оправдывает. Классический герой любовных романов. Его сердце когда-нибудь должна растопить серая мышка, с которой... Так, стоп. Во-первых, не такое уж у него и ледяное сердце, а во-вторых, они не в любовном романе, и серых мышек за километр не видно.

– Алиночка, он обыкновенный. Такой же, как и его дружбаны, ты что, не видишь этого? – Ярослав отхлебывает из бутылки газировку. Ей совершенно не хотелось идти на школьный стадион, но и отпустить Алину одну было бы глупо.

Должен был пройти дружеский («А может, и не очень», – как сказала Яра Алине) матч между командой их школы и соседней.

Начинался он лишь через час, но Алина притащила Яру пораньше. Пунктов, оправдывающих сей поступок, было три.

1. Поболтать с другими девчонками, пришедшими пораньше.
2. Занять хорошие места.
3. Поглазеть на игроков.

Всё это относилось к Алине, Яра же просто сидела на рукоходе. В воздухе витал запах булок с корицей, так как через дорогу находилась пекарня. Хороший

летний вечер, в который гораздо приятнее гулять по набережной, чем шастать по стадиону.

Яра засмотрелась на окна школы, в которых красиво отражалось яркое солнце, и не заметила, как рядом с ней оказался Артур.

– Ну, Слав, как жизнь? – с улыбкой спросил он, протягивая руку к бутылке.

– Нормально было, пока ты на горизонте не замаячил, – резко ответила Яра.

Артур хмыкнул, откручивая крышку.

– Да-а? Так чего пришла?

– Какая тебе разница? – Яра, до этого не смотревшая на него, повернула голову и увидела, как этот мачо недоделанный нагло хлещет её воду.

– Ты не охренел?! – она попыталась выхватить у него бутылку. Артур держал крепко, а затем совершенно неожиданно разжал руку, и вся вода вылилась не успевшей ничего сообразить Яре на джинсы.

– Идиот! – Яра влепила ему пощёчину и спрыгнула с рукохода. Она быстрым шагом направилась в сторону маленькой школьной рощи, где легко было скрыться в тени деревьев.

Основной удар «водородной бомбы» пришелся на колени, и уже это не могло не радовать. Но на стадион Яра уже ни за что не вернётся. Она раздражённо фыркнула и привалилась спиной к дереву.

Сквозь густую листву пробивались лучи яркого летнего солнца. Где-то посвистывали невидимые птички. Всё было спокойно и статично. Пока до слуха не донесся голос Алины:

– Яр! Яра-а!

Ярослава усмехнулась и, немного подумав, покинула свое укрытие.

– Алин, я не пойду ни на какой матч. Плевать я на хотела на него с вот этого вот дерева!

– Да что тебе Артур сделал? – удивилась Алина. Она пришла в класс к Яре полтора года назад и о истоках всех школьных терок имела весьма смутное представление.

– Предал. Этого достаточно для объяснения?

– Предал? Как в романах?!

– Нет, – отрезала Яра.

– А как? Яра!

Ярослава дёрнула плечом.

– Променял меня два года назад на левую компанию и перестал замечать в школе. Всё? Вопросов больше нет?

– О-о-о, так ваш роман длится так давно!

– Какой ещё нафиг роман, Алина?!

Больше Яра ничего сказать не успела. Послышались крики, по которым Алина определила, что начался матч, и унеслась. Яра облегчённо выдохнула. Вдаваться в подробности она не хотела. Вообще ничего не хотела. Хотела тишины и спокойствия, о которых мечтать вблизи стадиона бессмысленно. А бросать Алину было нельзя.

Поразмыслив немного, Ярослава пришла к выводу, что можно перекантоваться на лавочке неподалёку от поля, сидя в телефоне и имитируя крайнюю заинтересованность виртуальным миром.

Счёт Яра не узнала, но выиграла их школа, и в итоге всё закончилось дракой Артура со вспыльчивым типом из соседней школы, который крайне обиделся на какое-то насмешливое замечание первого.

Зрелище было захватывающим, и разнимать их никто не собирался. Все вдруг резко поняли, что они прирожденные операторы, и стали снимать драку на камеру. Яра закатила глаза. Встала, положила телефон в задний карман джинсов и направилась к полю. Алина стояла в толпе, зажав рот рукой, как и добрая половина остальных девчонок. Другие просто смотрели во все глаза на дерущихся. Яра вздохнула и начала проталкиваться ближе. Подошла к одному из парней, с которым Артур был в одной компании.

– Их кто-нибудь собирается растаскивать? – довольно громко спросила она у парня. – Или всё мне делать надо? Сразу предупреждаю: я девушка хрупкая. Поэтому в случае чего я наберу директора, который позволил провести тут матч с таким количеством народа, и если он...

– Ну ты, конечно! – парень усмехнулся, прервав её речь.

– Можно перейти к делу? Или же я звоню директору, – повысила голос девушка, чтобы слышно было всем. – Друзьями, блин, ещё называетесь!

– А тут всё по чесноку, один на один, – заявил парень, но дерущихся всё же растащили. У Артура была разбита губа, переносица, на щеке кровь. Его противник выглядел не лучше.

– Брейк, ребят! – крикнул парень, с которым говорила Яра. – Угмоняйтесь! Расходимся, народ!

Стадион опустел, и стало неожиданно тихо. Компания Артура ушла без него по его просьбе. Собственно, остались только Яра с Алиной и сам Артур, который тут же приблизился к Ярославе. Алина тактично отошла, но не на такое расстояние, чтобы не слышать.

– Слав, слушай, – начал Артур как-то смущённо, глядя на девушку. – Может, ну его уже, этот твой недобойкот? Два года лишь одни колкости от тебя слышу. Прости меня, а? Да, debil. Да, козлина. Но может, всё же...

– Ага, вот прям щас! – раздраженно отозвалась Яра. – Я тебе помогла, но это совершенно ничего не значит, ясно?!

– Чего ты врешь-то, дурочка? Это же много чего значит! Раньше бы ты...

– А ты меняться собираешься? То есть перед игрой ты... – Ярослава вдруг захлебнулась в долго сдерживаемых слезах и прижалась к Артуру, уткнувшись лбом ему в плечо. Тот гладил девушку по спине. На его лице отражалась целая буря эмоций. У Алины же только одна – недоумение. Происходящее чем-то всё же противоречило куче прочитанных ею романов. Не было какой-то искры, не хватало страстного поцелуя. Вроде бы всё верно: он красавец, мечта всех девчонок. Она обыкновенная, чаще всего незаметная девчонка. И они ненавидят друг друга. Но раньше были близки. Это явно «от ненависти до любви» и «второй шанс». Но искры не хватает.

– Так ты меня прощаешь? – спросил Артур.

– Да, дубина стоеросовая! – Яра с нервным смешком несильно стукнула его кулаком по плечу. Поцелуя не последовало. Алина была крайне удивлена.

– Ты теперь будешь с ним встречаться? – спросила Алина у Яры, когда они шли домой. Артур ушел раньше.

- С кем? – удивилась Ярослава.
- С Артуром, с кем ещё!
- Алина, скажи, какая у меня там фамилия?
- Кузнецова, – Алина недоумённо взглянула на подругу.
- Ну вот. В девятом классе Кузнецова. И в одиннадцатом – Кузнецов. Артур Кузнецов. Он мой старший брат, Алин.

Конкурс
«Модерн – невроз
традиции»

Екатерина Голышкова

Амурская поэтесса. Обучается на 5-м курсе Благовещенского государственного педагогического университета (БГПУ) на историко-филологическом факультете. Увлекается написанием стихов и рассказов, рисованием и росписью, игрой на гитаре, умеет вырезать по дереву. Регулярно публикуется в литературном альманахе «АМУР» при БГПУ (выпуски за 2021–2025 гг.); в альманах-газете «НЕОнлайн», выпускаемой Молодёжным амурским литобъединением; единожды публиковалась в липецкой газете «Первый номер»; победитель Всероссийского конкурса сказок «Сказка ложь, да в ней намёк», победитель в конкурсе видеопоззии «Размечтания» с авторским стихотворением «Шахматы».

Я пью не чай,
Я пью чужие слёзы,
Не замечая
Под ногами звёзды.
Куда ведут меня они –
Никто не говорит.

Читая вслух
Трагедии чужие,
Считая мух
На языке паршивом,
По звёздам поступью
Неровно поступаю.

Чей смех не глух,
Дыхание чьё звонко –
Столетний дух
В его устах покорно
Живёт и говорит –
Мой светлый гид!

Кого я догоняю,
Передвигая звёзды,
Которые меняют
В дороги мне все сосны?
Жаль, голос мой разбит,
От «до» до «ми».
Но я прошу:
Услышь слова мои!

Виктория Безрукова

Родилась в маленьком промысловом городке Семенове. Окончила Нижегородский архитектурно-строительный университет. Сейчас живу в Нижнем Новгороде и работаю в библиотеке. В свободное время хожу на пленэры и пишу прозу.

Трубин, подожди меня

За два года, три месяца и пять дней до моего рождения на свет появился мой старший брат, Трубин Иван Петрович, который впоследствии станет вашим любимым писателем, коли вы сейчас держите в руках эту книгу и решили ознакомиться с его биографией.

С детства мы называли друг друга исключительно по фамилии. Так будто было взрослее и серьезнее. Или смешнее, в семье-то охранника и швеи.

Трубин был старше меня на два года, как вы уже успели заметить. Этот небольшой разрыв значил много – он до смерти мешал мне. Трубин никогда не брал меня с собой играть с его друзьями. Я так на него обижался. Но только до десяти лет. Потом по странным обстоятельствам он растерял всех друзей, и ему пришлось смириться со мной. И с годами эта разница в возрасте ощущалась все меньше и меньше.

Я кричал ему всегда: «Трубин, подожди...» А он был такой бегун. «Трубин, подожди меня!» Ахах. Так и назовём книжку...

Моя наборщица Аллочка звонко смеётся, морщит носик и кивает в ответ. С наигранно важным видом она записывает каждое моё слово. И я продолжаю.

Мы были глупыми и ограниченными отщепенцами, живущими в четырех стенах, хватающимися за любую возможность вырваться на свободу. Разумеется, мы много раз сбегали из дома, но каждый раз голод пригонял нас обратно. Мы забирались в заброшенные дома и дрались там с бомжами. Мы дразнили старших детей, убегали от них и прятались в канавах, откуда наблюдали, как смешно они не могут нас отыскать. Порой наши безумные идеи приводили нас к печальным последствиям...

В то далёкое время, когда нам еще не приходилось думать о налогах и квартплате, Трубина по пятам стали преследовать вороны. Как-то мы шли из школы, и на нас напала целая стая. Трубин замахал руками и случайно схватил одну

за клюв. Тихая и гладкая ворона, теперь она сидела в его руках. Разумеется, мы притащили её в дом. Мать принялась орать. Я попытался её убедить, что ворона смирная, ведь она всю дорогу сидела тихо. В подтверждение моих слов Трубин расцепил руки. Ворона, до этого момента не подававшая признаков жизни, тут же вырвалась из плена и принялась крушить комнату. Она разорвала когтями тюль, разбила один плафон на люстре, скинула иконы с полки и затаилась в пустом красном углу. Там её и настиг наш кот. Он схватил её зубами и куда-то утащил, а она не сопротивлялась. Через несколько дней мы нашли её по запаху. Оказалось, кот задушил её и забросил за комод. Как истинный убийца, он постоянно возвращался на место преступления и проверял, как там жертва, а мы бегали по дому и не могли понять причину ужасного запаха...

Аллочка смеётся. Говорит, что сама однажды принесла домой воробья, не успела куртку снять, как кошка уже сцапала его. Только перья остались. Такие вот они охотники.

Потом мы как-то возвращались с папой из магазина. Вдруг прямо у нашего дома я заметил такое высоченное дерево, на которое раньше не обращал никакого внимания. Дом наш был пятиэтажным, а тонкие ветви этого дерева тянулись гораздо выше. И на самой макушке колыхалось на ветру гигантское гнездо. Я закинул удочку: а есть ли там яйца? Мы с Трубиным начали спорить. Он утверждал, что гнездо здесь давно и оно брошено. Я же хотел верить, что это не так. Папа, усмехаясь, слушал нашу незамысловатую беседу и понял, что мы просто так не отстанем и непременно полезем наверх проверять. Он решил, что пусть лучше один из нас разобьется под его строгим присмотром, чем мы сделаем это тайком. Да, в то время он еще неплохо соображал. И Трубину, по праву рождения, выпала честь залезть и проверить, что там в гнезде. Трубин всегда был крепким и ловким. Наверх он забрался быстро и оказался неправ. Гнездо жилое. Там лежали, как он потом рассказал, три маленьких яичка. Папа, махая пакетом, закричал ему, чтобы он спускался. И тут началось страшное. Откуда ни возьмись налетели вороны. Они кружили вокруг Трубина, клевали его, щипали за руки и за ноги, целая свора нападала, защищая старое гнездо. Папа кричал: «Спускайся!» И я кричал: «Трубин, спускайся!»

Но тот словно прирос к дереву. Как он потом сказал, не смог расцепить рук и только прятал своё лицо. Тем не менее ему всё-таки удалось соскользнуть вниз. Трубин разорвал новые штаны, свитер его превратился в лохмотья, руки были все исклёваны и до крови стёрты о кору. Но он улыбался. И я тоже.

После этого мы поняли, что получим от матери оба. Но не получили. По крайней мере, я. За Трубина сказать не могу...

Аллочка делает огромные глаза, когда я такое говорю. Я спрашиваю, есть ли у неё братья и сестры? Отвечает, что нет, но она всегда мечтала о старшем брате, который защищал бы её от всего на свете. Вот где истинное счастье. И у меня оно было...

– А я прочитала в его дневнике про вашу поездку на море. Тоже вам тогда попало, да?

На этот раз огромные глаза делаю я.

– Где это ты прочитала?

– Да вот, в дневнике.

Аллочка достает из ящика письменного стола тёмно-зелёную тетрадку, принимается листать. Я и не знал, что он вёл дневник. Что там? Что он там пишет про эту поездку?

Она набирает в лёгкие побольше воздуха и выстреливает автоматную очередь слов. Читает очень плохо, а вот Трубин пишет очень хорошо.

Однажды летом нам удалось попасть на море. Точнее, в море. И не на то море, которое голубое и тёплое, *а на другое, которое холодное и тёмно-синее*. Когда мне было пятнадцать, нам пришло известие о смерти какого-то деда по маминной линии. Они жили где-то в глухомани на севере прямо у моря. Мать собралась ехать на похороны, а мы сделали все возможное, чтобы она взяла нас с собой. Нам претила мысль остаться наедине с отцом, хотя именно этого она и добивалась. Она не хотела брать отца с собой, но оставить его дома одного казалось ей ещё хуже; совершенно не приспособленный к одинокой жизни, он бы мигом нашёл утешение в бутылке. В этом плане нам двоим она доверяла больше. Отец всю жизнь прожил в этой квартире, ни разу не покидал её больше, чем на пару дней. Но нам всё-таки удалось организовать семейную поездку на четверых, которой, разумеется, уже никто не был рад.

Когда мы прибыли в эту рыбацкую деревушку, нас даже не пустили на порог. Мать пошла договариваться со своими родственниками. Мы никогда их не видели, и они нас тоже. Наверное, как и мы, всю жизнь просидели на одном месте. Сами никуда, и к ним никто. Мать с отцом наконец зашли в дом. Нам было

приказано не мешаться и погулять по округе. Мы сразу же ломанулись к морю, которого никогда в жизни не видели.

У причала покачивалась на волнах старая деревянная рыбацкая лодка. Вокруг никого. Все заняты похоронами, и мы подумали, что ничего страшного не случится, если мы немного покатаемся на ней вдоль берега.

И вот мы в море. Два капитана. Но веселье оказалось недолгим. Налетела буря. Все попытки причалить оказались невозможны. Обоих тут же укачало. Мы ревели и собирались уже грести вёслами и руками. Через несколько мгновений наша лодчёрка была разбита в щепки. Как мне стало страшно. Мы с братом ухватились за одну большую деревяшку, и оба понимали, что двоих она не выдержит. Я не мог позволить брату умереть и решил героически пожертвовать собой, как в приключенческих романах. Только я принял это решение, как меня охватил новый страх. Как же я оставлю брата одного посреди моря? Как же я оставлю его одного с хищными рыбами? А волны нас уносили уже чёрт знает куда. Скоро начнёт темнеть. Нет! Как бы благородна ни была моя жертва, а оставить человека вот так вот – не значит ли обречь его на верную смерть?

Брат мой тем временем хныкал (неправда, я не хныкал), видимо обдумывая то же самое (мне бы никогда такое не пришло в голову). И как-то вместе, не сговариваясь, из всего того, что кружило вокруг нас, мы соорудили плавучую конструкцию побольше, ухватились за неё и стали грести куда глаза глядят. Нам удалось догрести до жутких крошечных необитаемых островов, откуда позже нас забрали на вертолёт. А за лодку эту мне потом долго пришлось расплачиваться. Старая лодка вдруг оказалась невероятно дорогой. Полностью покрыл расходы я, когда уже стал писателем и смог располагать некоторыми суммами...

Аллочка заканчивает чтение и выжидательно смотрит на меня. Сказать мне нечего. Я не хныкал! Вот что. И я не знал, что он ещё и выплачивал за эту дурацкую посудину, которая нас чуть не погубила.

– А ты его хоть читала ли?

– Кого? Трубкина-то? Нет, зачем...

Мне хочется бросить в неё подушку.

– Что ж тогда сюда припёрла?

– Деньги нужны, вот и припёрла, – отвечает Аллочка и параллельно записывает

и наш с ней диалог. Тиснет его куда-нибудь в конец. Зачем только – не знаю. Привычка у неё такая, как у будущего журналиста.

– А кто такая Людка? – вдруг спрашивает она.

– Что, там и про Людку написано? Эх, Людка-Людка. Кость в моём горле. А знаешь, зачем она ему была нужна? Нет? Он же смотрел за ней и писал. Все эти его «Дверь», «Призрачный дом», «Длинная дорога», «Воскресный обед» этот, будь он проклят, это же всё она – Людка, главный персонаж. Карикатура на женщину.

Людка была уборщицей туалетов и к тому же единственной женщиной на всю их редакцию. Он тогда в газетёнке какой-то подрабатывал. Кропал статьи, которые никто не читал. Как они сошлись, один бог ведает. Мать он в ней, что ли, искал? Так какая из Людки мать? Кирилл и Матвей в своё время свалились ей на голову, так же и Трубин шлёпнулся туда же. Детям было восемь и десять лет, но выглядели они на пятнадцать. При Трубине Людка стала раскармливать их как на убой. А теперь пришлось подзатянуть пояса. Ну ничего, ещё пару месяцев без свиной ноги на ужин – и они будут выглядеть на свой настоящий возраст. К Людке это, к сожалению, не относится.

Живёт она теперь в своей коммунальной квартире на четыре комнаты. Двенадцать квадратов, один диван, один стол, один стул, кресло и комод. Все это на троих. Трубин говорил, что в Нижний она приехала из какой-то глухомани с севера, которая даже не обозначена на карте. Я всегда боялся, что она придётся нам дальней родственницей и начнёт качать права. А здесь у неё, в той самой комнате, доживала свой век больная сестра, которая была старше её на двадцать лет.

Внешне Людка напоминает тумбочку, маленькая злобная матерщинница, здоровенная, но только вширь. Длинные чёрные волосы собирала на затылке, любила водолазки и обтягивающие джинсы, много курила. Ни от неё, ни от её сыновей покоя в коммуналке не было никому. Вся её жизнь сосредотачивалась на кухне. Она вырывалась из двенадцати квадратов в пятнадцать, где чувствовала себя чуть более свободно без «Мам! Мам!» Убирать за собой не любила. Сковороды других жильцов, оставленные на плите, бросала на пол. Бесплатно раздавала только советы и пинки. Услышав из коридора, что Людка гремит кастрюлями на кухне, жильцы предпочитали туда не соваться и выходили из комнатных убежищ только после полуночи, когда дверь в Людкину комнату трещала от храпа.

Наутро она громко шлёпала тапками по коридору и проклинала всех за грязь. Свою берлогу при этом убирала редко, потому что Кирилл и Матвей тут же устраивали бардак. Наверное, она тоже о чём-то мечтала. Поэтому, когда уже седой, жёлтый от запоров и болезней Трубин обратил на неё внимание, она почуяла, что от него пахнет деньгами, и пригласила в свою клоповую комнату. И Трубин, сменив вектор своего творчества с роковых красоток на сильных русских женщин, стал писать о ней. Людка стала его музой, как бы это нелепо ни звучало. Но ведь и Трубина красавцем не назовёшь.

Он отдавал ей практически все гонорары. Она умело ими распоряжалась: покупала детям одежду, свиные ноги, в школу их собирала, платила за хату, а свою зарплату складывала в дырявый мешок. Найти жилье получше ей не приходило в голову, а все свободные средства она тратила на еду.

И вот эта Людка задумала судиться со мной, нет, ты представляешь. Оказывается, что «Воскресный обед» он оставил ей. И что все денежки с его продажи капают ей. Нет, это возмутительно! А я тут такую схему придумал... Скажу, что я его написал, а Трубин у меня украл, и отзову все права. Я уже и черновики накропал, комар носу не подточит! Нехорошо это, наверное... Но это ж Людка!

Наборщица качает головой, цокает языком. Нечего мне тут! Пусть Людка знает своё место. Аллочка спрашивает, о чём хоть этот «Воскресный обед»? О боже, она и этого не читала! А ведь бестселлер. Был в своё время. С Умберто Эко сравнивали. Хотя, где Эко, и где Трубин. О чём же она, о чём...

Мы всегда с Трубиным спорили. С детства. То, что он написал в этом «Воскресном обеде», я посчитал диким. Наехал на него тогда. Говорю, что, мол, Достоевского обчитался? Раскольниковым себя возомнил? Смотри, запретят ведь с пометкой «руководство к действию». А он говорит, если цель оправдывается средства, то почему бы и нет? Реально дикая какая-то арифметика получилась. А ты почитай, почитай. Потом расскажешь...

Эх, «Воскресный обед», это наш камень преткновения. Лучше б его не было, чесслово.

Но читать она стала не «Воскресный обед», а дневник Трубина. Оказывается, он записывал почти всё, что видел и слышал. Говорил, может писать даже палкой на песке, было бы что. Поэтому рассказать он мог многое.

«Вот перечень моих неудач. Дневник нуля, если хотите...» – так начинаются его записи.

Наборщица внимательно смотрит на меня, мол, устраивает меня такое начало, нет? Я киваю: читай дальше. И она больше не щадит меня. Совсем.

«И ничего хорошего я сейчас вспомнить не могу. Всё всегда как-то выворачивалось в противоположную сторону, из-за чего приятное воспоминание тут же становилось дурным»

«Мне 12 лет. Тоже всё начиналось с пива по выходным. А заканчивалось капельницами. Мать говорит: “Делайте что хотите. Если вам нужен отец, вызывайте врача сами, а у меня денег нет!” И мы звоним тёте Свете, живущей в соседнем подъезде, старой отёчной женщине, уже натасканной на такие дела. Она приходит, ставит отцу капельницу, а мы с братом тормозим свои детские копилки, выгребая последние копейки. Хотим спасти отца, которому нафиг не нужны. Он потом даже спасибо не скажет. Не вспомнит просто. Он заснул и проснулся, а оказалось, что три недели прошло, дома разруха, вонища, денег нет и все почему-то такие раздражительные. А в чём, собственно, дело? И чего молчим? А если я буду молчать?..

Отец нас никогда не любил. У него были два здоровых физически крепких сына и красавица жена. Но его, кажется, это не устраивало. Чего он хотел на самом деле, одному богу известно. И сейчас я боюсь, что стану таким же, как он. Я замечаю это в себе. Я его понимаю. Лень и апатия берут надо мной верх. Хочу я этого или нет, я стану таким, как он, как бы я ни сопротивлялся. Иметь всё, но не ценить, никого не любить и по-дурацки отшучиваться, лежать, есть, спать – это всё он, и это всё, чего я теперь хочу...»

Да, папа у нас был тот еще шутник. Разумеется, писать у нас – это наследственное. Папа любил сочинять всякие байки. Чего только не рассказывал. И как на Алтай ходил, и Северный полюс перешёл, и Тихий океан пересёк на небольшом паруснике. А после его смерти начали вещи разбирать, нашли у него под кроватью кучу журналов типа «Вокруг света». Оказалось, он читал там всякие статьи, а потом рассказывал нам, выдавая за свои воспоминания. А может, к старости у него разум помутился, и он уже не помнил, о чём читал, а что проживал.

«Помню, как отец однажды опять напился. Мать стояла на кухне, вся в слезах, кричала на него, а он сидел и посмеивался. Я смотрел на них. Смотрел на мать. Я тоже заревел. Сердце моё так заколотилось. Я подошёл к ней, обнял её. Впервые проявил свои чувства на людях. И меня оттолкнули. Поэтому я так больше никогда не делал. Потом я понял, что мать всего лишь играла на публику, и я ей поверил. А отец нет...»

Ну, пил отец, и что? А у кого не пил? Время такое было! Мы и сами сейчас глушим. Ну, что ты так на меня смотришь? А кто без греха?!

«Они всё время ругались. Вели себя как чужие друг другу люди. И после этого спрашивали меня, когда женюсь, когда внуки. Они хотели, чтобы я тоже поскорее начал со своими детьми ругаться...»

Иногда он чувствовал себя глупо из-за того, что по его книгам гуляли одни и те же сюжеты. Видать, никак не отпускали. Отцы мучают детей, дети убивают отцов. Матери делают вид, что так и должно быть. Разве нормально это? «Мне иногда снится, как мои дети убивают меня из-за денег. Но у меня даже нет детей. Только Людины дети». Ну что это? Что?

Читатели-то, в отличие от писателей, умные нынче. Любят докапываться до мелочей. Всегда ищут тайные смыслы, даже если их там нет. Шарятся своими руками у писателя в мозгу. А почему ты так написал? А почему выбрал такую тему? Да захотелось ему, вот и всё.

Но я не спорю с читателями. Судьба сама их накажет.

«Отец снова бухал, а мать сидела у подъезда и думала: “Вышла замуж за дебила и дебилов родила”. Я вернулся домой, когда она уже была вся синяя, с огромными выпученными глазами, как у лягушки, и высунутым языком, в нашей с братом комнате. Воспоминания о ней сразу заставили меня плакать.

Наборщица сочувственно на меня глядит. Что, правда, что ли? «Правда, правда», – говорю я. Мне было пятнадцать, и она стояла на цыпочках над моим письменным столом. Там был крюк, на котором раньше висела боксерская груша. Мы убрали её давно уже, а крюк так и остался...

«Кем я мечтал стать в детстве? Не помню. Но точно не тем, кем были мать и отец. Я знаю, они пытались. Но у них не вышло. Возможно, причина в нас с братом. Если бы не мы с ним вдвоём... Если бы не...»

Если бы не что?

«И если бы у меня была возможность выйти из жизни насовсем, чтобы у матери была та жизнь, о которой она мечтала, то я бы это сделал. Если бы я только нашел эту дверь. Две петли и ручка...»

Трубин, ты бы и меня знать не хотел? Я плачу, честное слово...

«Я вдруг понял, что никогда и не знал её полностью, такой, какой она была. Чем она жила? О чём думала? О чём мечтала? Какой у нее был любимый цвет? Я ничего о ней не знал. И она никогда с нами не делилась...»

Мне тоже нечего сказать. Не смотри так на меня. Мы не были близки, и, я знаю, это ужасно. Как сожители, случайно оказавшиеся в одном доме. Да, это так. Трубин прав.

«Вышла замуж за дебила и дебилов родила»

Мама, мама, прости нас, грешных, мы не хотели...

«Наверное, мы не соответствовали ее стандартам. И она сама им не соответствовала. И она знала это. Пыталась вылепить из отца нормального человека, но он был настолько упрям и неподатлив, что легче было осла заставить танцевать.

Я понял это. Я описал это в «Воскресном обеде». Но понял я это слишком поздно. Я уже не мог ничего исправить и не мог никому помочь. Даже себе.

Когда-то во мне горел костёр перемен, но сейчас он потух. Я лежу на диване, прямо как отец, смотрю в стену, прямо как отец, и понимаю, что не хочу ничего. Придут Люда и её паразиты. Какая Люда всё-таки некрасивая. Что я в ней нашёл? Что она нашла во мне? Мы оба старые, некрасивые и ничего с этим не делаем. Её дети-полудурки глупые и невоспитанные. Люда за ними не следит. Когда-то я хотел за них взяться. Я бы многому мог их научить. Научил бы тому, чему никогда не научит их родной отец и чему меня не научил мой отец. Но теперь я понимаю, что мне не хочется, как их отцу, как и моему отцу. Я стал тем, кем обещал никогда не становиться.

Мне не хочется ничего. Никого не видеть, никого не слышать. Я уйду в свою квартиру, адреса которой никто не знает, и просто лежу там. Я не чувствую ни усталости, ни сил. Мне хочется побыть одному. Хочется потянуть время. Кажется, что придёт зима – и всё изменится. Зима приходит – и не меняется ничего. И так из года в год. Лето, зима, лето, зима. А мне всё равно...»

– Тут дальше про похороны вашего отца, читать?

– Разумеется, читать!

«Не знаю, как так вышло, но на похоронах отца я ревел больше, чем на похоронах матери. Я очень любил маму, а отца ненавидел. Один раз я даже обдумывал его

убить, чтобы он нас больше не мучил. Я вдруг представил, что было бы сейчас, если бы тогда уксус всё-таки оказался в доме. У меня подкосились ноги. Но, может, мама была бы жива...»

Я не знал. Я этого не знал.

«Отец никого из нас не любил, и мы платили ему тем же. Мне стало его жаль. Он ведь тоже не заслуживал такой жизни. Он и не хотел такой жизни. Но он не мог ничего исправить. Никто ему не помог, никто его не наставил. А я могу сделать так, чтобы дети не планировали моё убийство?»

Я рыдал у гроба как помешанный. Мне стало жалко отца и его неспособность к нормальной жизни, его несостоятельность как родителя. Его тоже никто никогда не любил, поэтому он такой. Он просто не умел любить. От открывшегося этого осознания я чуть не сошёл с ума. Я простил его за всё. И я его понял...»

Смогу ли я теперь понять их обоих?

«Наверное, он не хотел семьи. Но так вышло. И мы, вместо того чтобы оставить в покое, доконали его. От нас ему было только хуже...»

Он казался мне вполне счастливым.

«Помимо родного и матерного, мои родители знали ещё язык насилия. Честно говоря, я только его и понимал. Брату доставалось реже. Мне, как старшему, всегда за двоих.

Я понял и простил их обоих. Когда твоя жизнь рушится, а ты ничего не можешь с этим сделать, к тебе подходит ребёнок и ноет, почему к макаронам ничего нет, единственное, что ты хочешь сделать, это поставить его на место. Всем известным способом. Я бы тоже так поступил. А потом бы лёг и смотрел телевизор...»

Они все казались мне вполне счастливыми.

– Ой, тут дальше про вас, – смущается Аллочка.

– Читай!

«У нас с братом была общая комната, но он почему-то считал, что она целиком и полностью принадлежит ему. Меня это мало заботило. Своего угла в родительском доме у меня никогда не было. Мой брат был единственным человеком, с которым я мог поговорить по душам, доверить ему сокровенное. И он предал меня. Это настолько меня выбесило, что я решил его убить. Я подумал, что никто не услы-

шит, если я ночью накрою его лицо подушкой. А потом понял, какой крик поднимется утром. И что же я, в самом деле об этом размышлял? Что я такое?»

Я выхватил подушку из-за спины и бросил в Аллочку, словно она была виновата в том, что мой брат хотел и меня убить. И из-за чего? Из-за двоек, что ли? Дыхание перехватило. Я не мог спокойно сидеть в кресле. Я раньше постоянно болтал. Не умолкал ни на минуту. Занимал всю комнату своей болтовнёй. А Трубин хотел тишины. Он хотел убить меня из-за этого. Он задыхался в собственном доме.

Трубин, мы с тобой за всю жизнь так больше никуда из области и не выехали. Мы с тобой тонули в море, терялись в лесу, строили землянки и жили в них по неделям. У нас не вышло счастливой семьи, и у тебя тоже не вышло. Но, может, ещё не поздно...

Трубин, если вдруг ты по какой-то счастливой случайности сейчас читаешь эти строки, то знай, что мы все любили тебя. И я, и мама, и папа нас тоже любил, только, как ты успел догадаться, по-своему. Тебе не нужно винить себя во всём и не нужно искать дверь, чтобы выйти. Мама с папой давно вышли. А тебе выходить не нужно. Я хочу, чтобы ты вернулся. Чёрт с ней, с этой Людкой, можешь и её притащить сюда. Черт с ним, с «Воскресным обедом», отдай его Людке. Но у меня, кроме тебя, никого больше нет. И не выходи в эту дверь. Трубин, подожди меня...

Яна Жигалова

Родилась в г. Стерлитамак. Студентка магистратуры филологического факультета Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий. Выпускница детско-юношеского литературного объединения «Родник». Призёр и победитель городских, республиканских, всероссийских конкурсов. В конце 2021 года издала поэтическую книгу «Нарциссы? Жёлтые. Наме!». Член экспертных комиссий литературных конкурсов и фестивалей («Живые родники народной памяти», «Рыцари Золотого пера», «Громкое чтение», «Войны священные страницы» и др.). Имеются публикации в газетах и толстых журналах, литературных альманахах («Феникс», «Бельские просторы», «Аврора» и др.). Участник «Антологии русской поэзии» за 2023 год. Сооснователь молодёжного творческого сообщества г. Стерлитамак «РокСтрок».

Гидрометеостанции

Автомобили должны держать дистанцию,
Даже если они в космосе и командуют.
Зачем нужны все эти гидрометеостанции,
Если они не предоставляют мне данные,
Когда я увижу солнце?
Ну, которое настоящее,
Лучезарнее ваших солнц.
Такое, из счастья, хрустящего
Платьем
И блестящего,
Из моих слёз.

Улей

Полон улей жалок,
Жалобно зудящих
Жалок-сожалений;

Палачи над плечами –
Им бы искупаться
В меду искупления;

Но жалкие жалки,
Самих себя ужаснувшись, –
Раз! и уснули.

Александр Заболотский

Стихи разной степени гадости пишу с 12 лет под сильнейшим впечатлением произведений Бродского, на которого ориентируюсь поныне. С недавних пор стараюсь писать вдумчивее и ответственнее, всё ещё учусь. Заканчиваю 11 класс МАОУ «Лицей № 7», восемь лет занимаюсь мультипликацией, знаком с основами живописи и историей искусств. Региональный победитель (финалист) VII сезона Всероссийского литературного конкурса «Класс!», дипломант Межрегионального конкурса им. А. Пичкова «Снежные дали» 2025 г. и финалист конкурса «ЛитРив» 2024 г. в Казани.

Солнце в брюках (вновь найденное)

С. К.

Я забыл слова,
я лишился речи,
я не молился ни разу
как христианин, ни «Отче...»
наизусть не знаю, ни стихотворенья –
я отпетый фанатик из пропойный невежд,
фарисейский книжник-тунеядец,
меня поймали в сломанный капкан, словно зверя.

Я сижу

ночью,

и во мне что-то бушует.

Я пытаюсь написать какой-то стих
из плесневелых образов и ритма,
лишившись даже рифмы – она отделяла одна
меня от бездарности, как твоя улыбка
от лезвия ножа.

А оно не смолкает,
оно шуршит, давит, ворочает
меня из стороны в сторону

и мычит,

и я правда не знаю, что это и кто это во мне,
и поэзия ли это, иль тропарь

тебе. Не различаю спасения
на кромке горизонта своего.

Кроме исповеди буйной,
мне таинств не осталось, я заврался.
Не пишется, не пишется, всё дрянь,

дрянь, дрянь – такая дрянь! Не знаю я, что ему нужно.

Это что-то глухонемое, как все
несказанные нежности, как все
небывалые объятия, как все
истощные поцелуи рук твоих.

Слова вязнут, синтаксис – жвачка,
как солонина меж зубов у Кантемира,
лингвистический вздор,
как укор вселенский – сам смысл
будто делится поровну
в двух зрачках твоих, приобретая триединство
твоего взгляда с мертвенным молчаньем.

Ни один поганый ямб
в три ночи не отхаркивается
на бумагу толково, лишь скребётся
какая-то пакость, не даёт заснуть –
Герасим громоздкий надо мной
встаёт, схватив за шкурку, и утробно
гудит, ухает – викинг в грязной шубе,
с опухшей рожей, с кулаками. Вселенски,
исполински кроткий. Это нежность
крепостная перед твоим взглядом.

Не отпускает,
как первые дни каторги в остроге,
как железо в ночи армейских коек
как камни инквизиции застенков,
в меня комната, впиваясь темнотой,
глядит, как астроном,
дышит, как курильщик,
всё шторами по ветру зевает.

В её пасти я, как сгорбленный Иона,
не знаю ни тропарь, ни песнопений
иных, и даже звук наречья
твоего родного позабыл я.
Вобла моего воображения
лихорадочного в сердечной тине
барахтаясь, пытается запеть
в китовом желудке. Не раздвинуть
усов тюлевых. Темнота вовне не хуже,
чем темнота извне. Только биться насмерть
об них черепом, до ошмёток колких,
до крови, с пола отпечатавшейся
фениксом на белоснежной рубашке.
В полусознании (но лучше и в него не приходя)
меня пуляет сумрак в забытье
своим седым плевком, чуть пожевав.

Мутный облик в начале,
много позже – черты
встают рядами, словно на параде,
вышагивая, гостиною строятся
(задолго до сумерек года,
задолго до карточных пророчеств):
те стены, стулья, тот диван,
недоеденные фрукты преют,

рядом кружки
зевают в это сонное пространство,
помимо ещё где-то существуют
пара оставшихся друзей – сама хозяйка
квартиры, друг, всегда последним уходящий,
когда жранушки последние кончаются.
Все замедлились, даже поступь вьюжная,
как белый шум, все время прикорнуло:
час за часом, как целые сутки; вечер тинится, точится мраком.

И я лежу. Под главой моей – колени
твои, подол юбки чёрной – копну складок

(похож ею на замершее море)
каждую
на нём я глажу горстью шейных позвонков.
Мне кажется, в этом гипнозе времени
я стал лишь только шеей,
головой,
затылком; волосами даже
я чувствую твоих ладоней гладь.
Ниже диафрагмы – бесполезно всё. К черту,
готов бы хоть всё тело обменять:
Хвать! Гильотины
зубастая пасть
меня подымает над туловищем чуждым.
Став легче в восемь раз.
Ты то в жар, то в холод
от сумасбродства моего,
как в танце – Саломея;
и я – Предтеча, оплясанный,
у тебя на блюде.
Робко, но устремлённо,
как плугами, твои пальцы проходят
по склонам, десятинам, сохам вакханалии локонов.
Пашут,
не сеют, а только идут,
без цели, без средства. Лишь пашут,
завивают, перебирают,
как юную весеннюю листву.
Так без цели, без пути, без намеренья
проходят, может, жизни двух людей,
засеивает когда одна другую
(иль делает вид, как твой плуг),
гнилыми косточками, дёрном, иль вовсе
не оставляет ничего.
Процесс за процессом

и ради процесса. Даже не инстинкт,
не биология, а только удовольствий
цикл.

Хочется,
чтоб квартира эта медленная встряла
посреди времён, не шелохнувшись,
пусть все уйдут, а я останусь, как
Расланей Прохозович на поле,
безукоризненной нежностью сраженный наповал,
удивительной частностью. Грозный, туманный
пускай сто раз по десять тысяч лет
продлится сон мой.

Сонечка
(мне правда хочется назвать тебя как-то
ласковей, но по-русски, по имени),
с глазами саламандры. В них тоска

мешается с испугом,
решимостью,
злостью,
строгостью,
лёгкостью,
жалостью,

когда я в них заглядываю быстро.
Механизм природный. Смешно... А всё же
чего-то стоит он,
кроме гормонов и увеселенья.

Я был так счастлив, широко закрыв
раздобревшие глаза, на твоих коленях.

Кажется, я опьянел. Да и сейчас не трезв.
Скорее безнадежен.
Как хотелось

тебя обнять или рухнуть, схватив твою прекрасную руку, и начать
целовать, как умалишённый, как будто, вывернувшись, стать одними губами,

уткнутся в твои кисти, и чтоб ты не ужаснулась хотя бы, не стыдилась, не отвернулась, не, не, не... Хотя... да и сейчас хочется.

Руку,
нагую, чистую, тонкую,
(столь тонкую, что могла сквозь атом
пролезть, сквозь кракелюр души)
брала моя. Поблёскивало чуть
тоненькое с солнышком колечко –
твой подарок из немногих, но сильных.
Ломкое, будто позвоночник,
зато парное.

[Припомни: чиста и свежа
после яростной бури (со светилом,
на востоке) сияла луна. Предпочёл бы
я жить в стране восходящего
спутника Земли. Потому ты
сняла его – жаль,
не как Лиличка. А я не признавался,
что про... утратил.
Не поверишь, но всё-таки нашёл.
Прозвенев, оно выпало из брюк
забытых, рваных, погребённых в глуби полок.
С февраля прошло шесть месяцев тогда.

Я-то думал,
потерял его
ещё с последнего нашего спектакля –
за кулисами, в недрах притворства.
Закатившись, оно искривило
континуум и лихо занырнуло
в мой шкаф.
С тех пор оно в шкатулке наверху,
чтобы его опять не потерял я
так бездумно, как тебя когда-то.
Так бездумно.

Зухра Лайпанова

Родилась в Усть-Джегуте (КЧР) в 2001 году. Училась в Северо-Кавказском федеральном университете (СКФУ).

В моей груди на сотни миль – большая пустыня.
Там может быть очень жарко, а может – холодно.
Иногда – попеременно,
Тогда у меня болят ребра,
Щеками спускается конденсат.
Иногда меня посещают чувства.
Я не знаю, что с ними делать,
Держу в пустыне до детального изучения,
А они отчего-то умирают.
Я намучилась с ними.
Как-то встретила человека,
Рассказала ему про жару, про холод, про перепады давления.
Имела в виду, конечно, что не место пустыне
В груди такой маленькой девочки.
Он слушал очень внимательно, и тогда я начала про чувства.
Сбиваясь, стараясь не терять ясность,
Сосредоточившись на проблеме.
И тут человек с внутренним аквариумом
«Знаю, – сказал, – чувства – рыбки с яркими плавничками,
Им главное – вовремя менять воду».
Тогда я прокляла жестокую неточность слов и все на свете метафоры
И поблагодарила судьбу за уютный персональный ад.

Георгий Мальцев

Родился в 2007 году, учусь в Тюменском государственном университете на историческом факультете. Жил прекрасную жизнь, а потом начал писать. Достижение буквально одно – достаю языком до кончика носа.

Я не революционер
И
Тем более не мэтр
И даже не уверен, что для вас я
Могу быть называем поэтом
И я всегда хочу быть рядом, но
Как можно дальше при этом
От тебя, о страшное и великое дно
Дно мироздания за которое я цеплялся
Зубами, и
Сжимался, и
Складывался, как удостоверение
Или какая-то важная бумага,
Сворачивался, как эмбрион, чтобы быть
Рядом
Или,
Если сказать поэтически,
Неподалеку плыть,
Рядом
с тобой,
О великое и страшное,
Личность и существо.
Искусство.

Пришел к врачу
А он мне
Диагноз
Литературный нарциссизм
Досадно
Ответил я
И ушел плача
Осознавая жизни всей
Трагизм

Выродиться и
Гремя посудой
Случайно переродиться
Не извиняясь уходить и
Плакать
Попав в
Разнообразные стоп-листы
С приятной улыбкою сидеть
На каких-нибудь
Тяжелейших
Из наркотиков
(Вроде поэзии или
Прочей
Скомканной душевной боли)
И снова
плакать
Раздувая пожар мировой
Революции или
Агонии

Пётр Новокрещенов

Родился в 2002 году. Молодой автор, студент НИЯУ МИФИ. Его работы можно найти в сборнике «Легион ужасников» и студенческом журнале «Атом». Среди достижений – призовые места в литературных конкурсах «Астра-блиц» и «Зачёт». Место проживания: Москва.

Simulink

Два голубя приземлились на жестяной скат крыши. Бордовые лапки одного из них провалились сквозь тонкий слой текстуры, и птица, застряв в незавершённой анимации полёта, завертелась на месте.

– Мы можем вырезать этих идиотских птиц? – спросил Валера.

– Они создают эстетику, – устало зевнула Женя. – Низкополигональную.

– Они создают нагрузку на проц. У каждой – полноценный ИИ и навигация. Если ты их так любишь, то давай просто заменим им логику на физику частиц.

– Последних NPC из игры хочешь вырезать... – жалостливо протянула Женя.

>> Система: EVGN подключилась к test_server_29

Она появилась на крыше, как и голубь, по пояс внутри кровли. Перед домом, за невысокой оградой, возлежало кладбище.

Подпрыгнув и пригнувшись одновременно, Женя выбралась из текстур, достала из инвентаря длинную кривую палку и беззлобно треснула ею голубя. Застрававшая птица дёрнулась, завершив анимацию, сложила крылья и, вертанув головой, процокала по крыше куда-то в сторону.

– Вот и всё – тут у крыши коллизия сломана; а с голубями всё в порядке.

Валера лишь тяжело вздохнул.

– Как в школе, Сим? – спросила Женя после нескольких минут молчания. – Вижу, ты на сервере.

– Нормально. Невидимые стены пытаюсь убрать. Неудобно с ними.

Никто не знал, как на самом деле звали Сим – simulink. Она подключилась последней – после того, как Валера нашёл Женю и они вместе привели игру в рабочее

состояние. Это тогда заняло все зимние каникулы. Найти программу, которая бы расшифровала файлы с невнятным расширением, настроить совместимость с процессором и видеокартой, поднять тестовый сервер. С таким же успехом можно было бы написать свою игру с нуля, но полумёртвый мод на альфа-версию какого-то нишевого шутера уколол и зацепился за сознание. За Валю – своими странными механиками, за Женю – атмосферой одинокого спокойствия пустых улиц и коридоров, пиксельного дождя и скрюченных домов.

Теперь сквозь редкий снег и чёрную почву прорезалась весна.

– Крыши пофиксил, – сказал Валера. Голосового чата игра не предусматривала, но это не мешало. Наоборот, говорить через сторонний канал связи было удобней: он продолжал работать, в то время как игра исходила лагами и перезапусками.

– Прекрасно, спасибо, – промурчала Женя. – А я отрисовала текстуры для финального босса.

– Шикарно, лучшая.

Simulink молчала. Её внимание без остатка поглощал невидимый барьер, разделявший уровни. Иногда он шёл тонким слоем поверх стены, создавая иллюзию непроницаемости у бестелесной текстуры; но чаще всего невидимые барьеры вырастали в самых неожиданных местах – посреди рынка с шумным market.avi эмбиентом, в дверных проёмах, между деревьев, что уж там говорить – один уровень невозможно было пройти именно из-за одного такого барьера, заграждавшего выход.

И в то же время барьеры поражали и зачаровывали своей аномальной красотой. Они переливались.

Переливались, отражая в себе абсолютно все спрайты, текстуры и даже сообщения из чата – всё, что когда-либо попадало в папку с игрой.

Можно сказать, что барьеры не были невидимыми, но клубились на грани исчезновения, в одном неосторожном округлении десятичной дроби от полной прозрачности. Каждый раз, оказываясь перед таким барьером, simulink ощущала себя так, будто созерцает какое-то редкое природное явление, вроде тройной радуги.

Ещё одной особенностью этих и многих других артефактов стало то, что видимы они становились только изнутри игры. Отыскать их в коде и просто поправить

параметры было невозможно. Казалось, они формировались сами собой, на стыках функций.

Поэтому simulink проводила на сервере почти всё свободное от школы время, выискивая и каталогизируя все ошибки, которые только удавалось найти. Отдельно стоящие двери без дверных проёмов, проникающие друг в друга предметы, сломанные текстуры, гробы, выпершие из могил, перевёрнутые вверх ногами деревья – всё отслеживалось и заносилось в общую табличку.

Невидимыми барьерами simulink занималась уже несколько дней – по какой-то причине они оказались запрятаны глубоко на дне мода, вдали от остальных функций и объектов. Но такая детективная работа лишь сильнее будоражила сознание девушки, и интерес, точно горячий суп в котелке, бурлил и раззадоривал её.

Сегодня, в день, когда simulink наконец нашла ключ к решению своей головоломки, полупрозрачные стены переливались спокойным голубым светом, видимо позаимствованным у неба, и от этого казалось, что весь сервер погружён в томный летний туман. Сделав напоследок скриншот, simulink удалила барьеры.

Туман на мгновение пропал. Всё вокруг, насколько хватало дальности прорисовки, теперь просматривалось настолько отчётливо, что глазам становилось тяжело – пропало мельтешение и воздух, которого на сервере, конечно же, быть не могло, точно смёрзся.

Но только на мгновение. В следующий миг Женя и simulink услышали короткий, но звонкий хруст `missing_bones.avi`. Файл с ним лежал в папке с остальными звуками, но ничто в игре его не издавало.

Внутриигровой звук у Валеры был отключен, но ему бросилось в глаза кое-что другое.

– Девчонки, что вы сделали? – раздражённо буркнул он. – У меня проц загрузило под сто процентов. И оперативки съело, – добавил он, но уже более задумчиво.

– Тут хрустнуло что-то, ой, боже, я надеюсь, это не голубя в текстурах зажало, – проблеяла Женя.

Повисла пауза.

– Сим, ты что-то сделала?

Ответа не последовало.

Внезапно там, где только что стояли полупрозрачные стены, пространство скучилось, будто облако перед дождём, смялось и так и замерло, прорезанное рябью, словно тонкий лёд на поверхности озера. Simulink интуитивно шагнула вперёд, но рябь оказалась непроницаемой.

– Божечки-кошечки! – воскликнула Женя. – Гробы опять вылезли!

Ещё до того, как Валера и simulink набрали команду телепортации на третий уровень, они уже догадывались, что увидят. Действия третьего уровня разворачивались на кладбище, окружённом коробкой невысоких домов. Именно там они исправили свой первый баг: гробы, которые почему-то появились не под землёй, а над ней. Станный и легко исправимый, он выглядел намеренным, словно разработчик мода хотел всеми силами исковеркать и без того сломанный мир игры.

И вот теперь неправильные прямоугольники вновь разрыли землю и армейскими рядами выбрались наружу.

– Только бы всё сейчас не сломалось, – прошептала simulink.

Снова раздался хруст. Снова – missing_bones.avi, и Женю, до этого стоявшую на крыше, в одно мгновение утянуло внутрь дома. Всё произошло настолько быстро, что девушка даже не успела вскрикнуть. Всё вокруг погрузилось для неё в черноту. черноту. черноту. черноту.

– Коллизия пропала, – констатировала simulink, к которой телепортировалась напуганная Женя.

– Надо откатывать, – вздохнул Валера. – Ты что-то поломала.

– Подожди. Такого раньше не было. Нужно понять, что происходит.

– Тут всегда что-то происходит, – надулась Женя.

– Нет. Раньше исправленные баги не возвращались.

– Ты права, – согласился Валера. – Мы иногда удаляли больше кусков кода, чем нужно, ломали логику, но тут другое. В целом нагрузка вроде устаканилась, так что можешь немного порасследовать.

Он откинулся в кресле, ожидая ответа, но simulink уже пропала – перескочила на другой уровень. Тот самый, где выход обычно заслонял невидимый барьер.

Женя стояла одна и потерянно оглядывалась вокруг.

– Откуда-то подтянулись старые текстуры, занятно, – пробормотал парень. – Наверное, из моих бэкапов подворовывает.

>> Система: EVGN покинула test_server_29

– Ты чего?

– Пойду персонажей порисую, – пробормотала Женя.

– Напугалась?

– Эй! – возмущённо воскликнула девушка. Валера не видел, но, должно быть, она ещё и всплеснула руками. Ведёт себя как обиженный ребёнок. Но ведь они все пока ещё дети. Хотя нет – уже подростки.

– Сим всё равно без звука сидит, чего ты стесняешься? – примирительно сказал он.

Женя не ответила.

– Хорошо, ты не испугалась, но я бы испугался, если бы меня так в крышу... провалило.

– Ты меня не видел даже никогда, – после небольшой паузы сказала вдруг Женя.

– Нуда, у тебя же вебкинет, – усмехнулся Валера. – Но аватарки твои пересмотрел все – моя любимая та, где ты с котом.

Женя хихикнула.

– Дамский угодник!

– Может, мне тебе на др камеру подарить?

– Ты по-омнишь, – протянула девушка. – Как мило!

– Ещё бы я не помнил, – голос Валеры оборвался. – Подожди секунду, тут опять что-то ресурсы жрёт. Надо посмотреть.

Чтобы экономить силы своего маломощного компьютера, на котором разворачивался сервер, Валера играл с минимальной дальностью прорисовки, без эффектов и прочей мишуры, которую так старательно прорабатывала Женя. И только ночью, оставшись один на один с игрой, он осторожно поднимал качество

теней, включал отражения и наслаждался тем маленьким мирком, который хранил в себе отпечатки Жениных рук.

Сервер молчал. Валера запустил режим прохождения и оказался в начале первого уровня. Если бы не выключенный звук, сейчас из динамиков грохнула бы главная музыкальная тема игры.

Казалось, будто все исправленные ошибки вернулись обратно: оружие не отображалось, очки здоровья красной гусеницей тянулись за границу экрана. Прискорбно.

Первый уровень был обучающим, и потому – довольно примитивным. На нём серые городские стены с двух сторон сжимали тонкую улочку. Точно змея, она петляла, изгибаясь, проползая под арками, местами обрастая чешуёй из коробок и ваз, через которые игрок должен научиться перепрыгивать. Врагов на первом уровне не предусматривалось.

Ребята в принципе вырезали из игры всех агрессивных NPC. Из-за непомерной нагрузки продвинутого ИИ на Валин компьютер, на первых порах игра попросту отказывалась запускаться. Только голубей, по большой просьбе Жени, удалось сохранить.

Однако теперь, когда игра откатилась чуть ли не в своё первоначальное состояние, на втором уровне оружие могло пригодиться.

А вот грузовик – триггер перехода на следующий уровень. Текстуры безжалостно поплыли. Колёса расплющились двумерными кружками поверх кузова, кабину вывернуло наизнанку и, словно мокрое полотенце, намотало поверх шин. Фары светили неровно, то и дело перемигиваясь.

Валера устало вздохнул. Перед ним вереницей брели три месяца трудов. Если резервную копию сервера по какой-то причине не получится восстановить... Придётся всё начать заново. И снова упереться в невидимые стены.

Он коснулся кузова, мир мигнул, и Валера оказался на втором уровне.

– Ну что? – спросила Женя.

Парень вздрогнул точно разбуженный ото сна. Он стоял посреди пятнистого луга цвета хаки. Из земли тянулись узкие зелёные прямоугольники – голый лес, мёртвый лес. Остатки одного из последних уровней. Раньше в раскидистых кронах, не пропускавших солнечный свет, скрывались засады вражеских снайперов. Сухой лес.

Сухая земля. Бесконечным линолеумом она раскаталась во все стороны до горизонта.

Поодаль, между тонких деревьев, стояла simulink. Она не видела Валеру, и потому, замерев истуканом, вглядываясь в землю.

Это был тот самый, безвыходный уровень.

– Бесплезно, я перезагружаю, – произнёс парень. – Вон, Сим тоже на уровне с лесом застряла.

– О-жи-да-е-мо, – по слогам произнесла Женя. – Что ж, зато я за эти полтора часа отрисовала нам всякого вкусного.

Полтора часа?

– Сим, ты слышишь? – Женя сделала паузу. – Понятно. Напиши ей, что ты перезагружаешь.

Будто уснул. Полтора часа. В игре я их просидел? Просто проходил уровни и молчал? Вот так жизнь проходит: сидишь за монитором, сидишь, часы мимо себя пропускаешь.

– Валер, ты тоже не слышишь, что ли?

– Слышу, слышу, сейчас. – Парень заторможенно открыл чат.

>> *valerv: simulink, как у тебя? я откатываю до бэкапа*

>> *simulink: стой нет.*

>> *valerv: поч? зайди в звонок*

>> *simulink: подожди.*

И снова. Этот звук. *missing_bones.avi*. На этот раз его услышали все.

– Я же вышла, – быстро пробормотала Женя.

Валера скинул голову и увидел, что случилось. Солнце треснуло. Оно разъехалось в стороны двумя неравным половинками. И тогда небо моргнуло. Синим. Серым. Снова синим. Снова серым. #8AC8FF. #93ABBF.

– Всё полетело, – прошептал Валера. – Сим, ну что там?

– Что такое? – раздался знакомый голос. – Отошла поесть и уже всё сломали без меня.

– Ты видишь? Небо потекло – такого не было никогда.

– Так, секунду, залогинюсь. Я выходила.

– Выходила?

Валера взглянул на экран. На фоне мерцающего неба, под расколотым солнцем, стояло тело *simulink*, орошаемое кривым светом.

>> Система: *simulink* подключилась к *test_server_29*

– Телепортируйся ко мне, – выдавил из себя Валера.

– Что у вас там происходит? – голос Жени.

>> Система: Недостаточно прав для выполнения команды */tp*

– Я... не могу.

>> Система: Недостаточно прав для выполнения команды */tp*

Молча, Валера ввёл команду, чтобы телепортировать *simulink* к себе.

Вследующее мгновение тело, стоявшее поодаль, исчезло и тут же появилось рядом с парнем, заставив его отшатнуться. Что-то было не так. Система принимала эхо, оболочку, за настоящую *simulink*.

Список пользователей на сервере: *valerv*, *simulink*, *simulink*. Совершенно одинаковые. Ни заглавных букв, ни пробелов – два идентичных пользователя. Нет, что я несу? Одна – Сим, а второй – просто её цифровой призрак. Слепок.

– Я попробую сейчас к тебе.

>> Система: Диалоговые параметра для игрока *simulink* не обнаружены

– Сим? – встrepенулась Женя. *Simulink* всё ещё висела в звонке, но её микрофон светился красным. – Валера, у Сим микрофон отлетел.

Но парень не слушал, он судорожно искал на панели управления кнопку восстановления резервной копии. Краем глаза он видел, что тело, стоявшее рядом с ним, начало двигаться. Даже не то чтобы двигаться, а расти, выдавливая из себя ячеистые многогранники с р-р-р-рябщими пикселями. пикселями.

копиями пикселей. копиями копий пикселей. Как струящаяся во все стороны река живой плоти.

>> *simulink*: ты не можешь

ты не можешь

не можешь

оставить меня

Восстановить из.../ переход в папку, Женя пытается докричаться, кнопки папки выбрать правильный файл / backup_13_03_25_5667_alpha_mod весь экран уже наполнился жмущимися дрожащими пикселями не видно неба .. хруст снова хруст опять и опять он рядом х хруст х х . . . а . .

..

.

>> Система:

Сервер отключился. Закрутилось колёсико перезагрузки. Кто-то вздохнул. И тогда, словно получив разрешение, сквозь эфир прорвался женский голос. Ему начал вторить другой, но Валера не в силах был разобрать ни слова. На него словно уронили бомбу, и теперь он лежал, оглушённый, где-то на дне траншеи, присыпанный землёй.

Перед ним снова тлел экран, бежали строки выполняемых команд.

Что сейчас случилось? Вирус? Но чат. Он писал сообщения. Призраки в машине? В конце концов, у NPC в игре крайне продвинутый ИИ. А этот хруст?

Все эти вопросы, произносимые женскими голосами, проносились в эфире, рикошетом ударяясь о Валеру; но он понимал лишь одно. Говорят, раньше, когда богатырь оказывался на распутье перед тем самым камнем, впереди лежало три пути. Но теперь путей, кажется, и вовсе не стало.

– Зачем ты снова хочешь в неё лезть? Ты опять дойдёшь до своих невидимых стен, и всё накроется!

– Жень, надо понять, что это было. Если в игре что-то появилось, я могу найти это в коде.

– Ого, вот то-то я смотрю, как ты легко невидимые стены нашла!

– Я не понимаю, тебе страшно, что ли? Это же просто игра.

Она ускользала сквозь пальцы звенящим ручейком, на прощание даруя ему свой голос. Женя. С каждой секундой её оставалось всё меньше и меньше, точно она растворялась в эфирном вихре. Если отпустить сейчас, то всё, что останется, – это текстуры в сломанной игре, созданные её рукой.

>> Система: Далее представлены два варианта развития событий. Пожалуйста, выберите наиболее предпочтительный для вас:

Вариант А

– Сим, – голос Валеры раздался глухо, – сколько у тебя уйдёт на то, чтобы разобраться, в чём тут дело?

– Много, – тут же ответила девушка. – Неделя точно. Но я перекопаю весь код.

– Я тогда отдам тебе все файлы, чтобы ты могла развернуть у себя сервер и спокойно себе отлаживать.

– Не поможешь?

– Мне нужно передохнуть, Сим. Когда эта штука стояла рядом со мной...

– Расскажи, – в голосе simulink слышалась нервная возбуждённость, словно желание вновь соприкоснуться с ожившей аномалией беспощадным пламенем жгло её изнутри.

– Потом, правда... надо передохнуть.

Валера вышел из звонка. Женя последовала за ним.

Вариант Б

– Нельзя, – голос Валеры раздался глухо, – нельзя останавливаться.

– Но ты сам видел! Сим сказала, что оно – живое! – ручей звенел, разбиваясь о камни.

– Душа создателя заточена внутри игры, – жутко прошептала simulink.

– Хватит, – голос Жени задрожал.

– Жень, мне кажется, тебе лучше отдохнуть.

Вот и утекли последние капли её голоса. Теперь где-то в прошлом, посреди большой равнины накатывает на берег озеро, названное в её честь. Без рек, дождей и подземных вод, приносящих питательную влагу, оно со временем, капля за каплей, слово за словом, уйдёт в землю, лишённое надежды вновь оказаться в настоящем.

> Система: Пожалуйста, выберите вариант развития событий

>> valerv: третий

>> Система: Следующие варианты не найдены: третий

>> Система: Недостаточно прав для выполнения команды /exit

>> Система: valerv, вам нужно сделать выбор. Из двух вариантов

>> valerv: что выбрала Женя?

>> Система: EVGN выбрала вариант А

>> Система: Текущее ожидание 27 минут

>> valerv: вариант А и Б

>> Система: Выбран вариант А Выбран вариант Б

– Нельзя, – голос Валеры раздался глухо, – нельзя останавливаться.

– Хватит, – голос Жени задрожал.

– Женя, – голос Валеры раздался глухо, – быстрее, удаляй резервные копии. Сколько у тебя уйдёт на то, чтобы разобраться, в чём тут дело?

– Пять секунд, – тут же ответила девушка.

– Сим, ты у себя удалила? Нельзя позволить моду откуда-то подгрузиться!

>> Система: Множественные ошибки в диалоге

– Сим? Прости, но мы должны.

– Нет. Я не стану удалять.

>> Система: Запуск отладчика

– Сим, прости, но я удаляю сервер. Удалю – отдам тебе все файлы, чтобы ты

могла развернуть у себя сервер.

Выйдя, нет – вылетев, из звонка, Валера глотнул воздух, вскочил из-за стола и дёрнул провод, тянувшийся к компьютеру, выдрав его из розетки сорняковым корнем.

Спустя мгновение он уже звонил Жене, хотя слова в его голове ещё не сложились во фразы и плавали глупыми розовыми облачками. Но придумывать и не пришлось.

– Я не хочу тебя потерять, – выпалила Женя, как только её иконка появилась в звонке. – Валер, Валер, я не хочу, чтобы этот сломанный мод был единственной вещью, которая нас объединяет, он как могила, в которой мы копаемся по самые локти, голыми руками. На нас лезут призраки, а мы только глубже лезем, ворошим кости и...

Девушка тараторила так, что Валера не успевал отвечать. Он просто стоял и слушал, слушал и молча улыбался. Его руки снова наполнялись живой водой Жениного голоса.

>> Система: *simulink* подключилась к *test_server_30*

В воздухе снова висел туман. Солнце крепким ровным кругом пробивалось сквозь плотные кроны деревьев. *Simulink* брела по безвыходному уровню. С последнего созвона прошло больше двух месяцев. Возвращения ребят можно было уже не ждать.

В вечернем небе пухли грозовые тучи, но внутри игры стоял вечный полдень.

>> *simulink*: ку

>> *simulink*: как у вас

Впереди, на небольшой опушке, высился барьер. Сегодня в нём не отражалось небо. Вместо этого, он походил на документ с неудавшейся вёрсткой – пространство от земли до голубой коробки неба наполнилось словами, никами и фразами, когда-то произнесёнными в игре. У барьера стояли двое.

>> *EVGN*: Прекрасно, спасибо.

>> *valerv*: Хорошо. Как у тебя?

Сим улыбнулась. Кто-то скажет – повторюшки, но она чувствует, что в этих пиксельных тельцах есть искра истинной жизни.

>> *simulink*: норм, норм

>> *simulink*: сегодня будем чинить пропавшую реку на предпоследнем уровне

В конце концов, «вариант Б» не так плох. Она прониклась аномалиями, она проникла в аномалии.

Благодаря ей, вокруг теперь расстился прекрасный мир, ограниченный лишь пространством на её жёстком диске. Леса, города, фабрики и поля. Квесты, ачивки, тайники, новые механики. Можно бесконечно добавлять уровни, строить что угодно, дорабатывать ИИ у её друзей. Жалко, реплик пока мало – резервная копия оказалась повреждённой. Но *simulink* обязательно что-нибудь придумает. А к невидимым барьерам она уже вроде и попривыкла.

Только бы всё сейчас не сломалось.

Анастасия Щербакова

Я студентка 2-го курса СПбГУ программы «Отечественная филология». Основным моим родом деятельности является наука, я погружена в литературоведение и нахожу отличным дополнением этого пути свои творческие эксперименты. Мои стихотворения были опубликованы ранее в журнале «Полутона» и на странице проекта «Чатл». Родилась в 2006 году. Место проживания: г. Санкт-Петербург, г. Петергоф.

дульсинея тобосская, она же милосская

тобос – топос,
но ты, дульсинеечка,
не прочтешь никогда бахтина.
ты не пей с мировой леечки,
добродушная дульсинеечка,
и губой не касайся дна.
ты не фаустовская, не блоковская,
не корчуй под собой ядро —
просо сей, просто сей зерно.
на обломках страны дидоновской
ромул-рем сочинит доспех
и отрочье-сына́ гефеста
завещает, по слову зевса,
в хрематонимический букет —
анатомический сюжет,
только формульность, только кости.
дульсинеечка, грянут гости —
хорошенько натри паркет!
помни заповедь: на пароходы
не ступай никогда ногой;
весь отеческий домострой
сотрясается под думой
как тебя воспоют жонглеры?
фижмы жмутся в жеманный жест,

рычит северная пальмира —
у подножья лежит полмира.
полосатая шкура тигра
с плеч роняет тяжелый крест.
дульсинеечка,
жни цветы,
мировая душа-софия.
ты представь – что бы стало с миром,
если б тонким пером бахтиным
тебя топосом нарекли?

пускай мне говорит изменчивая лира,
что сочинители сатир и «бригадира»
кольцуют круг на триста шестьдесят,
рождая каждый день уродливых щенят,
кусающих тонический сосок
и пьющих сок, отеческий урок
усвоив лишь с подстрочным на французском,
скуля на мир фальцетом заскорузлым,
облизывая шерстку языком
с мещанским дном вторым, вторящим дном,
откуда не стучат и не стукачат,
где сплетни на канаточках трюкачат,
где на колясочках везут они салют
из праздных блюд идейных пересуд;
пускай обгрызено свидетельское древо,
иегово хождение оголело
и околела нитка бытия,
дыру прожгя для дулова ружья,
я пазлами жонглирую умело,

как будто тело – это просто тело-
скопический прищур, а под песком
душа приятельски махнет своим хвостом.

л.

риторическое упражнение

явление первого порядка
это когда явление второго порядка
начинает обгонять явление первого порядка
и получается этакая загадка с анекдотическим сюжетом:
дорогой, где ты был? – мед-пиво пил,
у меня ужасные тараканьи усища,
и я бы хотел их завить, как сальвадор дали, —
папильотками.
где же тут *pointe*?
дело в том, дорогая моя
и прелестнейшая душенька,
что литература утратила пенелопоцентричность,
но все вернется на круги своя,
когда мы поднимем из гроба набокова
и отряхнем костюмчик.
– вам не жмет?
– а вам?

вырывают рты трамвайные
предсказания печальные:
умирают боги давние,
бросив кольца обручальные;
и не сыщешь днем с фонариком,
где, привязанный на ниточке,

бродит пес с воздушным шариком
у кондитерской витриночки;
где гуляют, руки в варежку,
молодые-незнакомые,
загибая парка краешек
в оригамистую мордочку;
где, мечами шпалы скрестившись,
переменчиво вальсируют,
поезда, невольно встретившись,
сонной ласкою подмигивают;
где дома теснятся щёками
и, смущенные, кокетничают,
заглушая водостоками,
как соседи тихо сплетничают;
где рука с сухими пальцами
огибает локоть бежевый;
в белом платье тонут танцами
рек серебряные бережки.
сжав в кулак все человечество,
как письмо в тоске прощальное,
боги крошат крошки вечности,
бросив кольца обручальные.

**Победители
конкурса
«Абитуриент 2026»**

Виктория Бабаева

Родилась в 2010 году. Учусь в Московском лицее «Ступени», пишу прозу, занимаюсь вокалом и рисованием, пою в музыкальной группе. Место проживания: Москва.

Этот-висящий-на-проводах

Я висел. На проводах. Висел на проводах. Чёрные щупальца опутали ноги и руки, и мне ничего не оставалось, кроме как раскачиваться из стороны в сторону.

Мир был вверх тормашками. Снизу – небо, сверху – люди. Подходили, смотрели на меня своими перевёрнутыми головами. Бабушки в розовых шапочках, мужчины в чёрных куртках, мамы с детьми за ручку. Стояли вверх ногами, подняв головы, и моргали.

Я висел на проводах, и ветер немножко меня качал. Впра-а-аво, вле-е-е-во. Всё больше перевёрнутых голов собиралось. Какой-то школьник с рюкзаком на одно плечо достал телефон и начал снимать. Бабушки шушукались. Что-то говорили про «наркомана».

У меня уже всё затекло, голова стала тяжёлая. Люди смотрели на меня, как на инопланетянина. Я смотрел на них, как на чудаков. Мы глазели и молчали. Школьник вертел телефон, пытался найти лучший ракурс, и я пялился в камеру, угадывая, как глупо там смотрюсь.

Я вздохнул. Становилось скучно. Уже даже голуби привыкли к моему присутствию как к неотъемлемой части архитектуры, садились мне на ноги и на руки. Я их не прогонял – в сущности, я и двинуться не мог. Просто смотрел, как розовые лапки ютятся на моей одежде.

Толпа сверху немножко загалдела. Все, как по команде, заозирались и забубнили, закачались, будто волны в море. Прошла минута, и люди единым организмом расступились в стороны, выпучив глаза на широко шагающую персону в чёрном и в кепке со значком. Кепка встала прямо надо мной, задрала голову, и суровые глаза под хмурыми бровями сощурились, разглядывая меня. Ноги расставлены, рука упёрта в бок – вся поза излучала ту самоуверенность, которая свойственна лишь тем, кто точно знает о страхе перед ним народа. Лицо у него было такое, словно все окружающие нацепили на голову дорожные конусы, а его из-за этого подняли с кровати в дражайшие девять утра.

– Ты как тут оказался? – угрожающим басом объявил Кепка.

– Упал, – ответил я.

Кепка повёл глазами вверх, проверяя, не с неба ли я упал.

– Откуда?

Я повёл глазами вниз, проверяя, не с неба ли я упал.

– Сверху.

Грудь Кепки высоко поднялась и медленно опустилась в тяжёлом вздохе, а лицо исказилось раздражённым страданием. Словно ему не верилось, что с этими дурацкими конусами у всех на головах действительно надо было разбираться. Он отцепил от пояса рацию и пробормотал в неё несвязное «брвршршв», видимо, на его собственном, кепочном языке. Суровый взор надменно окинул остальных Конусоватых. Люди потеснились, и их взгляды разбежались – даже школьник спрятал телефон под подол куртки, но, когда Кепка отвернулся, снова его достал и направил камеру мне на лицо. Я тихонько качался, а голуби где-то рядом с ушами курлыкали.

Все стояли и чего-то ждали. Облака у моих ног плыли, как будто я был выше неба, хотя на самом деле – ниже.

Мне казалось, птицы уже начали вить вокруг моих ног нёзда, когда Кепка повернулся. Он так же встал, раздвинув ноги и уткнув кулак в бок, а за ним подъехала большая прямоугольная красная машина, и вышли две жёлтые каски. Кепка лениво указал на меня, и под касками проявились изумлённые лица, как черепахи, вылезшие из панциря.

– Его током не ударит? – одна из касок снова спрятала лицо в панцире.

– Ну, если до сих пор не ударило, значит, не должно, – отчеканил Кепка.

Второе лицо в жёлтой каске всё ещё пялилось на меня. Я молча пялился в ответ.

– А это как он... туда... – лицо нерешительно указало на меня пальцем. Голос Кепки стал громче, и между словами послышалось раздражённое рычание:

– «Сверху», говорит, упал! Снимать будете?

– Игорь, выдвигай!.. – крикнул первый и осёкся, увидев ещё одного в каске, который выдвигал длинную шаткую лестницу. – Да, её.

– А куда нам?.. – пробубнил, по-видимому, Игорь. Все каски сошлись в одну точку, как муравьи, пытаюсь прицелиться лестницей, кажется, мне в голову.

– Да куда ты!.. – крикнул первый. – К стене давай!

– А этого мы как снимем? – спросил По-видимому-Игорь, делая лестницу длиннее и длиннее. Он смотрел куда-то в сторону, а это страшное железное приспособление всё уходило в небо, вверх, но вниз. Казалось, точно оно вот-вот шатнётся и прилетит мне в лицо.

– Ну хоть поставь ты её! Да, вот так! – продолжал кричащий. – Полезай!

Полез.

Жёлтый муравей спускался к небу, подбираясь к проводам. В этот момент мне показалось, что все они с потолка пытаются приземлиться ко мне. Почему же они просто не прыгнут на облака?

И вот, муравей уже вырос, стал с меня ростом, стоял слева на крыше и жмурился от ветра. Я покорно ждал своей развязки.

– И как же мне до него... – пробубнил По-видимому-Игорь. На секунду он застыл, а затем крикнул Кепке:

– Может, МЧС вызвать?

– Да просто снимите его уже!! – рявкнул Кепка. По-видимому-Игорь посмотрел на него почти с жалостливым недоумением. С такого расстояния Кепка больше походил на блоху, чем на стража порядка.

Я видел, как сверху собирается всё больше и больше Конусоватых. Они останавливаются, глядят, и в их глазах на мгновение застывает безразличное принятие: «О, этот висит на проводах», такое же, как на лице у Кепки при взгляде на окружающих: «О, у них на головах конусы».

По-видимому-Игорь неуверенно потянул ко мне руки. Лицо под жёлтой каской пожелтело, глаза забежали. Первый его контакт с проводами был как тыканье палкой в полумёртвую осу – укусит или нет? – не укусила. Лицо под жёлтой каской отжелтело обратно. Весь он выпрямился, и его взгляд сделался такой же как у Кепки, словно я – очередной Конусоватый, словно он сам не желтел мгновение назад.

Его лицо было перед моим, сосредоточенное и небрежно-раздражённое.

Почему-то они все думали, что лицо злого гоблина – синоним профессионализма.

– Сейчас тебя распутая, держись, – сообщил он.

– За что держаться?

Он поднял на меня глаза, оценил мою совершенно беспомощную позу и смутился:

– Ну, просто... держись.

По-видимому-Игорь стал безглаголиво освобождать мои ноги от липких чёрных щупалец. Когда одна нога уже почти вольно коснулась неба, кто-то из Конусоватых тоненько крикнул:

– Да вы чего делаете?! Он же упадёт сейчас и разобьётся!

Я посмотрел вниз (вверх): и правда, я разобьюсь. А я не хочу разбиваться!

– Что вы замерли? – отчеканил Кепка. Его голос стал мне уже почти родным.

– Расстелите полотно! – встрепенулся кричащий. Жёлтые каски засуетились, забегали, что-то полезли доставать, сами в себе запутались, переругались, наконец взяли каждый по углу спасательного полотна и встали подо мной.

– Правее! – крикнул По-видимому-Игорь.

Встали правее.

– Теперь выше!

Встали выше.

– Вот!.. Так и стойте. А то я за себя тут больше боюсь... – сказал он, или надеясь, что я не услышу, или специально, чтобы я услышал.

Первая нога выпуталась из объятий проводов и откинулась в бок, так что я стал похож на акробата. Зазвенел смех школьника, щёлкнули фотографии. Меня держала уже только одна нога: казалось, или она сейчас порвётся, или вместе со мной упадут оба столба с натянутыми проводами.

Но ждать ни одного из этих вариантов не пришлось. Ослаб последний узел, и я полетел вниз, то есть вверх, то есть на спасательное полотно, отдаляясь от неба.

Мгновение, и мир пришёл в себя. Когда я поднялся на ноги, тяжесть резко

ушла из головы в ноги, всё закружилось, и я чуть не свалился на месте. Вокруг меня собрались откуда-то взявшиеся врачи, но я лишь так же нелепо качнулся в сторону, уверяя, что у меня ничего не болит.

Облака переместились вверх, асфальт – вниз, люди и дома больше не свисали с потолка, и поначалу привыкнуть к этому миру было сложно, когда я уже так сроднился с прошлым. Конусоватые стали расходиться, каски возвращались в машину. Никому уже не был интересен Этот-висящий-на-проводах. Я подумал, что могу наконец отдаться законной свободе, но меня остановил Кепка.

– Документики, гражданин, будьте добры.

Я поднял голову. Теперь я видел его кепку куда хуже, чем хмурые брови и суровые глаза. С такого расстояния он уже вовсе не казался блошкой, и его забавный сердитый нрав перестал казаться таким забавным.

– А у меня их нет.

Он закатил глаза и снова прошептал что-то на своём языке.

– Давай тогда со мной в отделение... – он махнул рукой, будто ему на самом деле было всё равно, пойду ли я за ним. Мы куда-то зашагали. На его спине я увидел написанное большими белыми буквами в красном прямоугольнике «ПОЛИЦИЯ».

В полицейском участке оказалось тихо и пусто. Лампы мерцали и гулко вибрировали, пол был грязный, истоптанный. Какая-то бабушка сидела на скамеечке, потрясывалась, и гудела моторчиком, сложив руки перед собой, как зайчик, будто держала невидимую сумочку.

Кепка грузно опустился за стол. На деревянной поверхности валялись бумаги, ручки, степлер; старый телефон красовался на углу, трубка безвольно свисала на кудрявом проводе. Небольшой пёстрый календарик с глупым изображением собачки, стоящий как-то боком у степлера, показался мне здесь таким чужим и неуместным, что его стало жалко. Захотелось спрятать под курточку, согреть и принести на такой же пёстрый глупый стол.

– Ну? – закрыв глаза, вздохнул Кепка. Если бы я не ответил, он, наверное, мог бы заснуть. Но куда бы я делся, если бы он заснул? Ждал бы, пока проснётся?

– Ну? – недоумённо проговорил я.

Кепка открыл сердитые глаза.

– На проводах как оказался? – громче сказал он.

Я скосил глаза на чёрную муху, которая ползла по столу, подбираясь к Кепке, как шпион.

– Упал.

– Откуда упал??? – раздражился Кепка. Муха поползла по его рукаву. Я следил за её движением.

– Сверху...

– Откуда – сверху? – он взмахнул рукой, и муха всполошилась, стала кружить вокруг него и громко жужжать. Он наклонился вправо – муха туда же. Он влево – муха влево. Кепка раздражённо помахал рукой у своего уха, как собака, когда чешет лапой, а муха всё от него не отставала. Сквозь зубы проронив «Чёрт тебя...», он громко скрипнул стулом по плитке и отъехал назад. Муха наконец села на стол, тогда Кепка ударил по дереву, но хулиганка увильнула и улетела по своим делам.

Я сидел, спрятав ладони под коленями, и молча смотрел на Кепку.

Он перевёл взгляд на меня и еле заметно порозовел. Его брови снова гордо сдвинулись, он отвёл взгляд и звучно прочистил горло.

– Алкоголь употребляли? – спросил он громче нужного.

– Нет.

– А ну дыхни.

Я дыхнул.

– Наркотики?

– Нет.

Он сощурился, высматривая что-то на моём лице. Затем махнул рукой. Опустил голову, стал для чего-то перебирать бумаги, и мне предстала одна лишь его чёрная кепка. Около минуты мы провели молча, я слушал бумажный шелест, который, наверное, тоже был его отдельным языком. Наступила аккуратная пауза, будто отмеренная секундными часами, и Кепка широким показательным жестом отложил бумаги в сторону.

– Значит, так... – чётко начал он, собираясь продемонстрировать, видимо, всю мощь своей власти, но его прервали:

– Извините... – проскрипел дрожащий голос. – А что там моя сумочка?..

– Женщина, подождите минуту, пожалуйста, – не глядя на старушку, ответил Кепка.

– Вы мне говорили пятнадцать минут подождать, а час прошёл... – хныкала она.
– Я же не могу домой пойти, у меня ни денег, ни ключей, ничего с собой...

– Ну так вы скажите консьержу, он же наверняка вас... – не договорил он и вздохнул, взявшись за лоб. – Повторяю, подождите, пока я разберусь, вот, с молодым человеком, – он сделал в сторону меня небрежный жест, как если бы прогонял бездомного пса.

– А сколько мне тут ещё сидеть? – она наклонилась к нему, щуря свои глазки-щёлочки и всё активнее теребя невидимую сумку в руках, словно правда чувствовала её призрак. – Меня дома кот мой ждёт, Васька... Он ж так с голоду и помрёт...

– Жен-щи-на, – отчеканил Кепка, глядя в потолок. – Прошу вас.

– А? – несчастно переспросила она. Кепка секунду помедлил и громко выпалил:

– Замол... Подождите! – Он понизил тон и снова попытался обратиться ко мне:
– Так вот, значит...

– Ой, господи, помоги мне, боже... – ещё пуще задрожал её голос. – Молодой человек, ну вы же... ну смилуйтесь над старой... Ничего уже не слышу, не вижу, прошляпила сумку свою, помогите вы, ради бога... А то помру я так здесь, ох помру-у!..

Кепка всё пытался вставить слово, но старушка не замолкала. В итоге он отчаялся, потёр виски, посмотрел на меня, как на последнюю вшивую собаку, и процедил сквозь зубы:

– Иди уже отсюда!

Я покорно встал, оставляя за спиной дрожащую, как моторчик, старушку и усталого Кепку. Но что-то задержало меня у двери, где был скотчем прилеплен лист с надписью «НА СЕБЯ».

– Бабушка, а где вы сумку оставили?

Своей фразой я будто сломал их устоявшуюся гнетущую атмосферу. Кепка

злбно зыркнул на меня, явно указывая на выход, а старушка заглушила свой моторчик и застыла, только причмокивая губами.

– Ой, молодой человек... Да вот... в парке гуляла, да и оставила... А уж где – сама забыла...

– А я там на проводах висел, – я хмыкнул, открыл дверь и упёрся одной ногой в плитку, балансируя в этой полуакрабатической позе. – Мне вверх тормашками мир лучше видно. Может, и сумку вашу видел. Не хотите прогуляться? Поищем.

– Ох... ох... – она засуетилась, снова загудела, но уже веселее; подскочила со стула и засеменила на месте. – Да, да, пойдёмте. Храни вас бог, молодой человек!..

Я придержал для неё дверь. Она вышла, и я остался на секунду посозерцать совсем пустое отделение, откуда даже муха улетела, только угрюмый Кепка что-то писал за столом. Он старательно делал вид, что не замечает ни ухода старушки, ни моего взгляда.

– До свидания, гражданин полицейский, – сказал я. Уж не стал называть Кепку по имени: неприлично как-то. Хотя за это время мы почти стали друзьями.

– Пока, пока... – он покачал одними пальцами и в своей гордой манере отвёл взгляд.

Дверь за мной хлопнула.

Елизавета Гардер

Меня зовут Елизавета Гардер. Мне 20 лет, училась в школе 1530 имени Ломоносова. В школе очень интересовалась литературой, иностранными языками и биологией, поэтому после школы поступила в ветеринарную академию имени Скребина. Но, проучившись там два года, я всё-таки поняла, что от тяги к буквам не убежу, поэтому отчислилась и готовлюсь к поступлению в Литературный институт имени А. М. Горького. Очень надеюсь в этом году поступить! Место проживания: Москва.

Плач палача

В четырёх стенах старого лондонского паба не столько жарко, сколько душно и, определённо, чересчур многолюдно. Все галдят, звенят кружками и до скрипа зубов действуют на нервы.

Грузный брюнет с ненавязчивой лысиной и, судя по внешности, возрастом слегка за пятьдесят, сложил руки на столе. Пристроил подбородок на них, позволяя щетине колоть кожу, и сверлит взглядом остаток эля в стакане.

За столом он один, как и вчера, как и на прошлой неделе, как и каждый вечер. Даже знакомые по большей части избегают внимания его серо-голубых глаз без радостного блеска. Здесь его знают в основном как Джереми Стоуна, но есть и более осведомлённые, у кого при виде его лица в голове сразу всплывает только слово «палач».

Он пьёт здесь после работы, пытаюсь забыть о ноющем чувстве в груди, о глухом лязге топора, о характерном хрусте шейных позвонков, о мерзотно-мягком ударе плоти о дерево... и о запахе крови, прилипающем к рукам, впитывающимся в одежду, вездесущим и надолго остающимся висеть фантомной железной ноткой.

Джереми ненавидит свою работу. Джереми хорошо с ней справляется. У Джереми нет выбора.

Разговоры при виде мужчины тут же стихают до встревоженного шепота, а стол, за который обычно садится Джереми, почти никогда не бывает занят. Никто не желает разделить с ним трапезу. Стоун привык к такому положению дел уже достаточно давно и даже приучил себя думать, что любит выпивать в гордом одиночестве.

Формально он всегда может воспользоваться дежурной дружелюбностью проныры Эттвуда, но считает себя выше этого. Роберт всегда казался ему смутно

подозрительным, а выяснять на деле, стоит он этих подозрений или нет, палачу как-то никогда не хотелось.

Джереми, раздражённо морщась, обхватывает кружку широкой ладонью, делает большой последний глоток и со вздохом встаёт со стула. Время, наверное, уже позднее. Пора бы домой.

Холодный, вечно влажный лондонский воздух прилипает к коже и невольно заставляет слегка протрезветь. Мужчина фыркает, хмурится, но продолжает путь быстрым, пусть и неровным, шагом. Хорошо, хоть дождя нет.

Дверь открывается с коротким скрипом, и закрывается так же громко и торопливо.

– Отец? – раздаётся из комнаты, после чего оттуда же слышатся тихие шаги. Джереми невольно усмехается.

– А кто это, по-твоему, может быть ещё? – бурчит Стоун-старший, стягивая с плеч мокрый куцый плащ.

Эдвард Стоун на секунду замирает в дверях, прежде чем показаться на глаза отцу. За эти несколько дней между бровей молодого человека залегла и уже не сходит морщинка, точно такая же, как у его отца, а пальцы рук беспрестанно сжимают, крутят и перебирают деревянные чётки. Молодой человек действительно похож на отца, только моложе лет на двадцать пять и стройнее: те же серо-голубые глаза, та же форма челюсти, только губы и аккуратный прямой нос – как у матери. Ухмылка сползает с лица Джереми, когда он замечает напряжение в движениях сына. Это не может быть хорошим знаком.

– Эд? – сурово спрашивает Стоун-старший, не стараясь скрыть тревогу в голосе. – Что случилось?

– Мы... – Эдвард отводит взгляд, и бусины чёток едва слышно стукаются друг о друга. – Отец, мне нужно уехать.

Напряжённая тишина заполняет прихожую. Оба мужчины знают, что значат эти слова. Эдварду нужно бежать.

Джереми хочет спросить, что именно вызвало такую спешку с отъездом, но слишком боится узнать правду. Он и так уже догадывается, подтверждение только усугубит колющее чувство, поселившееся у мужчины под рёбрами.

Отец сглатывает ком в горле.

– Когда?

– Сегодня ночью. – тихо отвечает сын. – Мистер Крэй обещал скрыть нас на торговом корабле. Уплывём в Нидерланды, а там уж как Бог даст, может, переберёмся в Германию.

Джереми слушает быструю, встревоженную речь Эдварда, безуспешно стараясь не заикливаться на мысли, что, скорее всего, это их последний вечер вместе. Стоун-младший, замолчав, заставляет себя взглянуть на отца.

– Я буду молиться о вашей душе, отец, – в конце концов говорит он, и это лучшее, что он может сказать. – Я знаю, что вы уже выбрали поддержать этот богомерзкий раскол ради сохранения жизни, но я не могу вас осуждать, только молиться.

Джереми морщится, не находя слов для того, чтоб ответить, и сил для того, чтоб выдержать взгляд сына. Стоун-старший молча кладёт руку Эдварду на плечо, стремясь выразить одновременно тревогу и благодарность в этом незамысловатом жесте.

Оба Стоуна не одобрили раскол, учинённый Генрихом Восьмым для женитьбы на Анне Болейн. Однако Джереми решил смириться и повиноваться, а Эдвард оказался более верен католической церкви, чем воле короля, за что каждый день, проведённый в Англии, рискует головой.

– ...Храни тебя Бог, Эдвард, – в конце концов вздыхает Джереми, подавляя дрожь в голосе, и, поддавшись чувству, прижимает единственного сына к груди. – Храни тебя Бог.

Остаток вечера не походит ни на один из вечеров в жизни семьи Стоунов. Возможно, что-то подобное ощущал Джереми, когда похоронил молодую жену, оставившую после себя одного только Эдварда. Болезненное молчание прерывается только завываниями ветра и скрипом половиц под ногами палача и мятежника.

Может, в Нидерландах молодого человека ждёт лучшая жизнь? На Большой земле никто не будет знать, что он сын палача, и не будет сторониться его, как прокажённого. Наверняка, он даже сможет найти себе достойное дело, применить знание грамоты, полученное таким трудом. Или в Нидерландах говорят на другом языке, и Эдварду придётся сложнее, чем он полагает?

Джереми беспокойно ворочается полночи, горячо молясь, – его единственный сын, его главная гордость, его славный мальчик! «О, как тяжелы божественные испытания! Пусть Эдвард будет жив, здоров и счастлив в этом чужом краю!» После чего, сам того не замечая, проваливается в сон.

Ему снится торговое судно. По палубе снуют моряки, высокие волны бьются о борта, заливая всё, до чего дотянутся, а сам Джереми вместе с сыном отчаянно борется с жестокой качкой.

– Мистер Стоун! – доносится до него сквозь девятый вал, и мужчина сразу узнаёт этот тёплый старческий голос. – Сюда, мистер Стоун!

Отец Беннет. Тот добрый священник, что согласился выучить Эдварда грамоте вместе с другими детьми. Поистине святой старец.

Он выглядывает из люка и зазывает Джереми рукой. В тамбуре действительно больше шансов пережить шторм, чем на палубе, так что оба Стоуна устремляются к люку. И как жаль, что люк так узок, что они не поместятся туда вдвоём одновременно!

Джереми решительно отталкивает сына рукой, чтобы пробраться в безопасное место первым, и только уже внутри понимает, что снаружи Эдварда смыло особенно высокой волной.

– Какой же вы трус, мистер Стоун. – с укором замечает отец Беннет, и Джереми быстро просыпается, ощущая холодок, бегущий по его спине от этих слов.

Джереми не трус. С чего бы ему быть трусом? Да ведь он бы так никогда не сделал.

Работа палачом – это не только приведение в исполнение смертного приговора на эшафоте. Это ещё и осуществление пыток, наблюдение за работой борделей, иногда даже уборка улиц – обычно, правда, чужими руками.

Сегодняшний день почти ничем не отличается от предыдущих. Джереми нужно вытянуть признание из одного еретика и, Бог даст, снова засесть в пабе.

Единственное отличие – тяжкое чувство на душе, тоска по ещё не потерянной связи с сыном. Когда корабль с Эдвардом скроется, наверное, можно будет и выпить с этим Эттвудом, чёрт бы его побрал, раз он так настойчиво приветлив,

чтобы совсем уж не сойти с ума от одиночества. Даже учитывая, что Роберт либо слишком глуп, либо очень хитёр, раз он так дружелюбен с человеком, чья душа обречена гореть в аду по роду его профессии.

Джереми, уже справившись с сегодняшней работой, неторопливо двигается вдоль тюремных камер в сторону выхода, когда у него на пути появляется местный констебль, что не вызывает у Стоуна особого удивления. Ещё бы – мужчина появляется в тюрьме достаточно часто, ведь относится к своей должности порой даже слишком обязательно.

Однако вместо дежурного кивка головой констебль – кажется, его фамилия Уильямс – останавливается перед Джереми и сурово хмурится.

– Мистер Стоун, – начинает тот, и в его вечно хриплом басы слышится угроза.

– Мистер Уильямс, – кивая, отвечает Джереми, ощущая, как кожа слегка покрывается мурашками.

Мужчины ещё несколько секунд смотрят друг другу в глаза, прежде чем Уильямс спрашивает.

– Где он?

– Я отвёл его обратно в камеру, – растерянно отвечает Стоун. – Он, кажется, уже сказал всё, что знал.

– О ком вы? – хмурясь ещё сильнее, уточняет Уильямс.

Палач на мгновение замолкает, доставая из глубин памяти имя, что уже выкинул из головы, справедливо подозревая, что оно ему больше не понадобится.

– О Томасе Райте.

Уильямс раздражённо рычит, внезапно надвигаясь на Джереми, сверкая тёмными глазами из-под густых бровей, заставляя палача отшатнуться.

– Какой, к дьяволу, Томас?! Я спрашиваю о вашем сыне, Эдварде Стоуне!

Стоун чувствует, как стремительно холодеет от ужаса, бездумно отступая на лишний шаг.

– Эдвард? А... а разве он не дома?

Констебль шумно выдыхает через нос, почти готовый схватить палача за грудки

и хорошенько встряхнуть. Останавливает его только суеверный страх – мол, палач проклинает всё, чего касается. О, как он взбешён! Упустить еретика, о котором уже доложил охотник за головами!

– Но, позвольте, при чём тут Эдвард?.. Он что-то натворил?..

– Как будто вы не знаете! – восклицает Уильямс, и Джереми кажется, что глаза констебля наливаются кровью. – В разговоре с одним человеком он назвал Его Величество раскольником!

Палач молчит, ощущая только стук собственного сердца где-то в горле. Эдвард – его сын. Он не может его выдать.

– Или вы тоже согласны с этим заявлением, а, мистер Стоун?!

Стоун-старший чувствует, как каменеет его тело и как по лбу стекает капля холодного пота. Эдвард его сын. Либо он, либо Эдвард.

– Клянусь Богом, мистер Стоун, если вы сейчас же не скажете, где он, я сделаю всё, чтобы вы оказались на эшафоте в совершенно новой роли, – цедит сквозь зубы Уильямс, и весь мир Джереми сужается до этих слов.

...Джереми не хочет умирать.

– Торговый корабль мистера Крэя. Один из тех, что идёт в Нидерланды. – выпаливает Стоун, почти загипнотизированный горящими праведным огнём глазами. – Клянусь, сэр, это всё, что я знаю.

В четырёх стенах старого лондонского паба не столько жарко, сколько душно и, определённо, чересчур многолюдно. Все галдят, звенят кружками и до скрипа зубов действуют на нервы.

Джереми, раздражённо морщась, обхватывает кружку широкой ладонью, делает большой последний глоток и со вздохом отодвигает пустой стакан. Время, наверное, уже позднее. Только домой идти не хочется.

Палач закрывает глаза и, окончательно отчаявшись, погружается в собственные мысли. Голова кружится от количества выпитого.

Жизнь вокруг течёт своим чередом, как обычно, с опаской обходя широкую фигуру Стоуна. Неподалёку два джентльмена, тоже изрядно захмелевшие, яростно

о чём-то спорят. Один из них, слишком разгорячившийся, ударяет кулаком по липкому от эля столу, из-за чего вся дешёвая посуда на нём почти подскакивает. С другой стороны, видимо, происходит какое-то празднество, судя по громкому улюлюканью и звону стаканов, а где-то совсем рядом всхлипывает молоденький парнишка.

Кажется, Джереми недостаточно пьян, чтобы отвлечься и расхохотаться в неприличной, а может даже и опасной стадии охмеления, и отправиться домой. Если, конечно, не слишком устанет по дороге и непроизвольно не приляжет отдохнуть под чьими-нибудь окнами. В целом, ему всё равно.

С большим трудом Джереми отрывается от деревянного сиденья и неровной походкой направляется за ещё одной пинтой эля, сжимая стакан в руке.

– Сегодня какой-то особенный день, мистер Стоун? – окликают его задорным, пока почти трезвым голосом, и Джереми оборачивается, чтобы взглянуть на того, кому он понадобился. Им оказывается его старый приятель – Роберт Эттвуд. – Если вы планируете пить ещё, можете присоединиться ко мне, я буду чрезвычайно рад составить вам компанию!

Палач прикусывает язык и сжимает кулаки со всей оставшейся после такого количества эля силы, просто чтобы не швырнуть пустой стакан прямо Роберту в его беззаботную улыбку. А если после этого жеста там останется хоть один зуб, не вырвать его голыми руками.

Джереми вздыхает снова, чувствуя привкус крови во рту, и заставляет себя ответить, пока хозяин наливает ему ещё эля.

– Благодарю за приглашение, мистер Эттвуд, однако сегодня я не расположен пить в компании.

Улыбка Роберта слегка меркнет, но он прикладывает все усилия, чтоб его тон остался дружелюбным.

– Ох, как жаль. – Через пару секунд размышлений Роберт добавляет: – У вас что-то случилось? На вас лица нет.

– Сегодня в полдень я казнил своего сына.

И без того бледное худое лицо Роберта белеет и вытягивается ещё сильнее.

– Боже мой, Джереми... Примите мои глубочайшие соболезнования.

– Спасибо, – выдавливая из себя мистер Стоун и направляется обратно на своё насиженное место в углу паба.

Джереми ненавидит свою работу. Джереми хорошо с ней справляется. У Джереми не было выбора.

– Они хотели проверить мою верность Короне, – бормочет палач, откидываясь на спинку стула, чтобы вновь пересчитать трещинки на потолке между закопчёнными балками. Пусть совсем немного и ненадолго, иногда это помогает ему отвлечься.

Он не хочет думать, что Корона здесь ни при чём. Как только он допускает эту мысль до своего сознания, что-то в груди сжимается с удвоенной силой, сдавливая и без того ноющую гнилую душу.

Стоун сжимает в кармане чётки. Эдвард отдал их ему перед казнью. «Господь с вами, отец», – сказал тогда он с таким прощающим смирением, что лучше бы сын его проклял.

Закончив пересчёт, он устало опускает веки.

– И вы прошли проверку, – раздаётся где-то слева от него, и палач тотчас узнаёт этот голос.

– Эдвард? – спрашивает он, кажется, даже протрезвев от нахлынувших эмоций. Джереми садится ровнее и устремляет взор на говорящего. Действительно, рядом стоит его сын.

Стоун-младший сверлит отца осуждающим, разочарованным взглядом и тарабанит пальцами по поверхности стола, настукивая неизвестную Джереми мелодию.

– Раньше был Эдвардом, – медленно тянет недавно казнённый, переводит взгляд на пинту эля на столе и хмурится, перед тем как продолжить, – а теперь я еретик, мятежник, угрожающий жизни граждан Британии и вдобавок самой Короне. Ну, или угрожавший. Без головы весьма затруднительно кому-либо угрожать.

– Но я ведь вижу, что твоя голова на месте, – возражает Джереми, теперь тоже хмурясь.

Эдвард слабо ухмыляется, подхватывая голову под подбородком и одним лёгким движением отделяя её от тела. Пара капель густой крови успевает упасть

на его плечи, прежде чем Эдвард швыряет собственную голову на стол перед отцом.

– То есть... – с тяжелым сердцем шепчет Джереми, не в силах оторвать взгляд от лица сына, стараясь не думать о растекающейся по столу луже крови, – я тоже умер?

– Нет, отец. Вы как раз спасли свою шкуру. – Эдвард прищуривается, и теперь его серо-голубые – такие же, как у Джереми, – глаза выражают отвращение. – Возомнили себя Авраамом, только вот Корона – не Бог, она жестока и не стала щадить меня.

Несколько секунд между ними висит тяжёлое молчание, наполненное шумными мыслями.

– Эдвард, – в конце концов начинает палач – прости меня, если сможешь. У меня не было выбо...

– Выбор есть всегда! – восклицает Эдвард, перебивая отца на полуслове. – И ты выбрал гореть в аду!

После этого восклицания у Джереми начинает страшно кружиться и болеть голова, и оставшиеся слова сына доходят до него искажёнными, другими, неясными звуками, картина перед глазами закручивается и мутнеет, и только сейчас он осознаёт, что его треплют за плечо.

– Джереми, завязывали бы вы с выпивкой, – говорит ему Роберт, быстро убирая руку от его плеча, как только палач начинает подавать первые признаки сознания. – Такими темпами вы в своём горе совсем потонете.

Последнее предложение впивается в голову Джереми и вытесняет из неё все остальные мысли. Палач медленно поднимается из-за стола и молча покидает паб. А следующим утром рыбаки выловят труп грузного брюнета с ненавязчивой лысиной и, судя по внешности, возрастом слегка за пятьдесят.

Выбор есть всегда. И Джереми выбрал гореть в аду.

Виктория Дермейко

Мне 16 лет, родилась и живу в Самаре, поэт, прозаик. Семейное образование, государственные экзамены сдаю в Москве. Активно изучаю английский и французский языки. Победитель областного лингвотурнира в номинации «Французский язык», имею диплом DELF B2 Министерства национального образования Франции. Серебряный призёр конкурса «Волшебная скрижаль – 2021» в номинации «Поэзия». Делаю художественные переводы, веду блог под псевдонимом Ника Леснова.

Подвиг

...В горячке от бесконечных мыслей выскакиваю из душного и грязного автобуса, слишком поздно сообразив, что не доехал ещё целых три остановки. Но делать нечего: больше нет ни одного лишнего рубля. Меня встречает серое небо, небо конца зимы, сквозь которое едва пробивается рассеянный уходящий свет. На остановке стоит маленькая, ростом с меня, бабушка с цветами. Жёлтые припылённые шарики с зелёными веточками – кажется, мимоза. Замёрзла. И вся запорошена крупными хлопьями липкого снега.

– Купи маме цветы, милый, – говорит она, – порадуешь её завтра. Или сестричке. Смотри, какие хорошенькие. Триста рублей.

Я быстро мотаю головой и даже удивлённо смотрю на неё: неужели я похож на человека, у которого есть деньги? А этот промозглый и сырой день с почти январским холодом – разве он хоть кому-нибудь напоминает весенний? Хотя деньги у меня и правда есть, но только сегодня. Только в честь завтрашнего праздника весны, которой пока и не пахнет.

Я застёгиваю куртку и медленно выдыхаю, собираясь с мыслями, чтобы проделать путь длиной не меньше шести кварталов. Снежинки сыплются с неба мокрыми комьями и тают на моём лице.

Мне не нравится снег.

Это забавно, потому что, когда я появился на свет, меня встретил настоящий снегопад. Белая лунная пустыня, тихая – ни шороха, ни дуновения ветерка. Только ровная стена серебристого сияния и звёздочки на ночном небе.

Мама поднесла новорождённого меня к светлому квадратному проёму окна и сказала: «Зима, как и снег, – просто жизненный этап. Не надо его бояться. Это большое счастье, что ты родился. Ничего не бойся. Я всегда буду тебя любить».

Конечно, я не помню, просто мне рассказывали. Обычно после этой истории мама говорит о том, как любит меня. И я всегда отвечаю ей, что тоже её люблю. Именно так: «Я тоже тебя очень люблю». Потому что мне не нравится, когда говорят просто: «Я тебя тоже». Я тебя тоже... что?

А мама была права: хорошо, что я родился. Только произошло это не очень вовремя. Она была на третьем курсе института, ей нужно было закрывать сессию – это такая серия решающих экзаменов. Мама училась на педагога, причём её мечтой было классное руководство у выпускников. И из-за меня ей пришлось брать академический отпуск на целых полгода, а это очень долго, особенно когда сильно ждёшь кого-то. Мама ждала отца.

Мне объясняли, что академ – это возможность пропускать учёбу по уважительной причине много месяцев подряд. Люди, которые берут его, могут вернуться в институт, чтобы продолжить обучение, а могут навсегда уйти. Последних я представляю сгоревшими изнутри. Это странно, но для меня они похожи на сморщенные чёрные спички – обугленные, бесполезные, растратившиеся.

Но моя мама не дождалась папы, а вернулась и доучилась, окончив институт, как она любит повторять, «не с красным, но прилично: волки сыты, овцы целы».

Я не сразу понял это выражение, но, поняв, был рад за маму. И мне не жаль, что мы только вдвоём. Ведь когда два человека бесконечно любят друг друга просто так, это очень много. Не знаю, как такое возможно, но мне будто и не надо большего счастья.

Есть, однако, у мамы два качества, за которые другим было бы легко её полюбить: у неё доброе сердце и белые руки, маленькие, с нежными, как у ребёнка, подушечками пальцев. И этими руками она способна творить чудеса. Я осознал это очень рано и навсегда.

Тогда был конец сентября моего первого класса, и мы вместе возвращались из школы: мама всегда сначала заканчивает работу в своей гимназии, а потом идёт за мной в другое место. Путь получается на два квартала длиннее, зато мы в течение недели обедаем вместе.

В тот день мы не могли зайти в любимую пекарню за свежим хлебом с тмином, потому что маме, как всегда в начале года, задерживали зарплату, и мы, хоть и не голодали, старались экономить. Ни она, ни я по этому поводу не унывали: теперь у нас была возможность тщательнее следить за своим питанием.

Так что, не заходя ни в какой магазин, мы уже хотели, взявшись за руки, гордо и весело проскакать в подъезд, как вдруг услышали жалобный писк. Пищали где-то на бетонных ступенях, ведущих в подвал дома, и от этого звука у меня по спине побежали неприятные мурашки.

Мама резко остановилась, торопливо поставила сумку с тетрадями прямо на землю и опустилась на колени, чтобы разглядеть сырую бетонную лестницу. Увидеть там что-то было невероятно трудно. Она наклонила голову очень, очень низко и внимательно вглядывалась в темноту. Её длинные каштановые волосы красивой волной струились до самой земли, путались, мешали ей. Обычно её это раздражает; я хотел было подойти, чтобы завязать их какой-нибудь резинкой или ленточкой, но в этот момент мама ахнула, а затем вскочила на ноги и спустилась на несколько ступенек вниз. Через пару мгновений она вновь показалась, бледная, напуганная. В белых маленьких руках она несла отчаянно кричащего воробья.

Воробей этот был тощий и взъерошенный, уже не птенец, но ещё не вполне взрослый. В отличие от своих драчливых собратьев, обыкновенно глядящих на людей нагло и гордо, этот малыш посмотрел на меня и обиженно, и печально. Я ничего не придумываю, а правда видел, хоть все и говорят, что у меня чересчур богатая фантазия. У птицы было сломано крыло, по коротким коричневым перьям стекала маленькая капля густой крови. Очевидно, птенцу не повезло: задрала кошка...

Мама не плакала, хоть я и видел: ей хотелось. Она бережно, стараясь не дышать, держала воробья на открытой маленькой ладони, а он всё затихал. Ровным обыденным голосом мама негромко, но твёрдо проговорила: «Сынок, возьми мой телефон, позвони тёте Лене... Пусть приедет... С нас потом кофе с моей шарлоткой – яблоки, кажется, оставались. – И добавила: – Только как следует дыши. Не волнуйся. Он будет жить». Говорила она всё это, глядя только на несчастного воробья. Я тогда чуть не задохнулся от волнения и всё же торопливо подхватил с земли мамину сумку, достал телефон и позвонил её подруге-ветеринару.

Не буду рассказывать, как потом мама с тётёй Леной вправляли и бинтовали крыло воробью и долго варили кофе, наблюдая за состоянием птицы. Как он пил из кошачьей миски и прыгал по подоконнику в комнате, стуча клювом по моим учебникам. И как, спустя три недели придя в гости, тётя Лена воскликнула: «Он всё ещё не улетел! Выпускали, говорите? А он ни ногой? И правильно, зима скоро... Ну, дятел! Вы только посмотрите на него!» Все засмеялись, и спасённый воробей довольно застучал клювом между половицами. С тех пор мы окрестили его

Дятлом.

Я навсегда запомню мамины нежные руки и её доброе любящее сердце. Да, руки и сердце, спасшие окровавленного драного Дятла.

Ещё у мамы красивое кроткое лицо, настолько, что это когда-то давно заметил наш учитель ИЗО и сделал ей комплимент. «У вас очень правильные черты и греческий нос. Позвольте написать ваш портрет», – сказал он. Это было после родительского собрания в моей школе, и мама не позволила. А придя домой, рассказала мне. Она гневно сверкала золотыми глазами и была похожа на грозную деву из книги о скандинавских мифах и легендах. Они встречают воинов после смерти и называются загадочным словом – «валькирии».

С тех пор как от мамы ушёл папа, она никого и никогда не любила и сама говорила мне об этом. Меня не смущает этот факт, я не злюсь и не плачу, как некоторые мои одноклассники, попавшие в похожую ситуацию. Мне только одно важно знать: неужели она бы и ему, горячо любимому, не позволила нарисовать свой портрет, даже будь он великим художником почище какого-нибудь да Винчи?..

Обо всём этом вспоминаю я, уже шагая по центральной улице города. Названия её я не помню, не помню даже, как называется театр. Но какое-то внутреннее чутьё ведёт меня по прямой. Нужные мне автобусы проезжают мимо. Я иду, за мной по пятам идёт снег, и по нашим следам зажигаются подвешенные чуть ли не к самому небу высокие фонари.

Я всю жизнь честно пытаюсь примириться со снегом ради мамы, ради нашей семейной легенды о моём рождении. Но сейчас он совсем некстати: у меня за спиной тяжёлый рюкзак, в руках сменка, и я даже не могу достать шапку и перчатки из карманов куртки, набитых прошлогодними каштанами, монетами и огрызками карандашей. Так что мартовские снежинки падают мне на голову и за воротник. Я чувствую, как они тают на моей шее, и становится мокро, зябко, а во рту отчего-то горько.

Пока я шёл от остановки, смерклось, подул холодный ветер и вырвал меня из моих фантазий. Поэтому оставшийся путь я проделываю, старательно подсчитывая в уме, сколько денег понадобится на оба билета. Выходит около полутора тысяч рублей, и я нервно соображаю, что мне должно хватить, причём и на дорогу домой тоже.

Наконец вдали показывается большое здание театра оперы и балета, и я радостно выдыхаю: не заблудился. Оно красивое, белое и с колоннами. Единственный

дом в городе, который до сих пор «не осквернили». Так говорит наша классная руководительница. То есть не разрисовали граффити, не разбили ни одного окна.

Прибавляю шаг и стремлюсь туда из последних сил. Я весь день не ел, но это так неважно. Мне нравится слово «стремлюсь» и все его производные: «стремительный», «стремление», «стремя»... Последнее, кажется, не оттуда, но мне всё равно.

В театре приветливо горит тёплый жёлтый свет. Он манит меня, как серого мотылька – наша дачная керосинка. И я торопливо иду, стараясь не поскользнуться: вчера ночью приморозило, так что мартовские лужи местами опять заledenели. Но ранняя луна и уличный свет указывают мне дорогу, и я шагаю вперёд. Раз, два, ещё шаг, только бы дыхание не сбилось: тогда я упаду и уже вряд ли смогу дотянуться до ингалятора, лежащего в рюкзаке. Но этого не произойдёт, верю я. Мама всегда говорила, что я «правильно упрямый». И я обязательно дойду.

А театр живёт и дышит, и нет ему дела до меня. Чем ближе я к нему, тем лучше осознаю его не домом, а существом, поющим, горящим, звонким. Перехожу дорогу и уже вижу, как он горд и приветлив одновременно. И мне даже не приходит в голову, что у здания не может быть души.

Причудливые тени балерин передвигаются в арочных окнах второго этажа медленно и изящно, как солнечные лучи в тёплом аквариуме. Через приоткрытое окно слышно, как кто-то трубит. О, этот медный, протяжный звук! Год назад я учился играть на трубе в музыкальной школе: врач сказал, что мне надо развивать лёгкие. Потом встречный ветер доносит до меня красивую фортепианную мелодию, однообразно-предсказуемую, а потому устойчивую, надёжную. И она тоже живая. Властный женский голос громко и раскатисто считает такты: «Рррааз-два-трии, рррааз-два-трии...» Я пытаюсь идти, попадая ногами в цифры. Это странно, но я не знаю, как иначе объяснить. Иду и слышу, как многоголосо загудели альты и баритоны, это такие красивые мужские и женские тембры. Слов мне не разобрать: поют, кажется, по-немецки, а то и по-итальянски. Но внутри от этих загадочных иностранных слов становится тепло и нежно, как после вечернего чая.

Над куполом здания, ещё выше, чем развевающийся флаг России, уже зажглись белые звёзды. В морозном воздухе они висят, словно приколотые к синему бархату неба. Какие ясные, чистые...

Раз-два-три, раз-два-три...

Когда мы с мамой завтра придём в театр, а это точно будет вечером, небо уже станет таким же тёмно-синим и высоким. И я попрошу её надеть то платье «цвета индиго», бархатное, мягкое, струящееся. В нём мама похожа на летнюю ночь, но я знаю, как сделать из неё «ночь мартовскую». Я посоветую ей достать белую керамическую брошь, похожую на льдинку. Или на осколок звезды. Острый, способный пронзить сердце.

И пусть она хотя бы на один вечер не заплетает свои длинные волосы! Пусть они наконец лежат, как им хочется!

Завтра нет школы, но я всё равно надену свою парадную форму, потому что в ней есть голубой пиджак. Не забуду захватить для мамы термос с крепким кофе, чтобы в антракте выйти прогуляться на улицу. И пусть мы будем сидеть даже не в партере, а на балконе – это всё равно не самые дешёвые места...

Дошёл!

Я стараюсь выровнять глупо сбившееся дыхание перед тем, как подниматься по мраморным ступеням театра. Их всего пять, а дальше надо только открыть дверь и войти внутрь. Подойти к кассе и сказать: «Два билета на «Сказки Гофмана», места на балконе, пожалуйста». Если спросят, есть ли льготы, ответить: «Да, я школьник». Проще простого. Когда мы с классом ходили на «Щелкунчика», я видел, как и где покупают билеты.

Чувствуя непривычное трепетное волнение, я ставлю ногу на первую ступеньку, но вдруг поскальзываюсь на мраморе и падаю. Не успеваю подставить руки и сильно ударяюсь неприкрытой головой о холодный камень...

Меня пронзает острая боль, в глазах темнеет, но я не могу ни крикнуть, ни даже вздохнуть: у меня начался приступ. Внутри меня просыпается страх, но он не сильнее моего стремления. Медлить нельзя. Перед глазами проносится мамин образ, расплывчатый, неясный. Вкусно пахнущие волосы, овал лица, белые руки, мягкие ладони. Она не переживёт, если со мной что-то случится.

Я сбрасываю с плеч рюкзак, наощупь перебираю в нём тетради, ручки, дневник, мои бумажные деньги...

Вдруг вспоминается, как все эти вещи сегодня утром были выпотрошены кем-то неизвестным, позорно выброшены на пол посередине класса... Меня обжигает стыдом, он словно хлещет меня по щекам, и на пару мгновений я перестаю чувствовать боль. Станным образом стыд спасает меня – убирает мелкую дрожь из пальцев, и рука моя наконец нащупывает ингалятор.

Я дышу, жадно дышу и пытаюсь понять, что случилось с головой. Будет ли «сотрясение мозга»?.. Это загадочное, страшное словосочетание я впервые прочитал в какой-то книжке, но сразу понял, что оно означает. И как ощущается.

Ощупываю затылок и понимаю, что голова цела. Возможно, не будет даже синяка. Какое облегчение! Я тихо смеюсь. Правда, из носа у меня немного капает кровь. Но это ничего; я осторожно вытираю его найденной в кармане перчаткой – ведь в руках я буду держать деньги, а потом билеты!..

Приведя себя в порядок и пригладив волосы, я поднимаю вещи с крыльца. Стараюсь не смотреть в лица редким прохожим, с осторожностью встаю и продолжаю путь, преодолевая последние ступени.

И вот я уже вижу за стеклом, как в музее, этот светлый пустующий театральный коридор, гардероб и краешек новой афиши. На ней изображены яркие малиновые костюмы, экзотические золотые орнаменты, какие-то люди, кукла в человеческий рост... Спектакль, на который мама мечтает попасть. И завтра, восьмого марта, я отведу её туда.

С этой мыслью, не потеряв решимости, я берусь за бронзовую ручку, двумя руками толкаю высоченную тяжёлую дверь, и...

Ничего не происходит.

Я толкаю и тяну, зачем-то снимаю с себя куртку... Холод запрыгивает за воротник, колет, режет, я пробую ещё, стучусь, вглядываюсь, но тщетно...

Театр закрыт.

И пусть в окнах танцуют тоненькие тени балерин. Они мне точно не откроют. Им не до посетителей. Сегодня пятница. И, наверное, все очень устали, и никаких спектаклей нет. И билеты тоже нельзя купить.

Только я об этом не знал.

Я стою на холоде, без куртки, без шапки, и держусь за эту дверь, как за последнюю надежду.

...Оперные певцы закончили репетицию, музыка смолкла, поселившись во мне. В одном окне погас свет. Я отпускаю нагретую мной ручку, беру куртку и медленно спускаюсь по крутой лестнице, боясь упасть снова. Ещё не осознаю, что случилось, и напоследок с прежним восторгом оглядываюсь на ярко освещённое белое здание.

...Копил я на эти билеты непостижимо долго. Был бы маленьким, сказал бы – вечность, но теперь не скажу, потому что несколько месяцев ожидания закалили мою волю и научили терпению. В школе нам говорили об этой силе воли как о непостижимом чуде и приводили в пример поступки разных героев книг. Но все они сражались на войне, спасали утопающих, погибали, исполняя свой долг... В книгах даже девчонки из других эпох оказываются сильнее или лучше меня.

Я точно знаю, что мне никогда не суждено стать героем, даже если я всю жизнь буду откладывать деньги со школьных обедов, не будучи способным на большее. И я давно свыкся с этой мыслью. Все взрослые советуют мне поберечься, делать дыхательные упражнения и не нервничать. Я слабее всех в классе и не могу даже побегать на перемене, не начав задыхаться, и об этом помнят все. Но я смирился со своей никчёмностью, хотя это было труднее, чем научиться жить с самой астмой.

Даже просто купить билеты я не смог.

Театр закрыт, хотя казался гостеприимным и живым... И зря был мною проделан такой длинный путь до центра, ведь я обманулся и ещё не знаю, как всё исправить.

Но по дороге я непременно что-нибудь придумаю, для начала нужно поскорее вернуться на остановку, найти ту старушку, вдруг у неё ещё остались цветы, и я куплю их... А завтра утром я приготовлю маме сырники и сам покормлю Дятла, и мы включим какой-нибудь весёлый фильм, и весь день будем вместе, надо только спешить, пока мама не вернулась с педсовета...

Вдруг мне становится плохо, меня ведёт куда-то в сторону, я поскользываюсь и снова падаю, на этот раз на спину. И вижу ночное небо. Белые звёзды. Ясноглазую луну.

Я не плачу. Это нелепый мартовский снег тает на моих щеках.

Владимир, охранник областного академического театра оперы и балета имени Антона Павловича Чехова, отсиживал вторую смену за товарища и не был уверен, что ему доплатят за переработку. Было неудобно, он лениво пил растворимый кофе, борясь со сном, и наблюдал по камерам за беззвучной репетицией новой танцевальной постановки. Не слышал, но знал: мастер, женщина властная и уважаемая, сейчас громко, на весь коридор второго этажа считает такты: «Раз-два-три, раз-два-три...» Владимир потянулся и краем глаза заметил какого-

то худосочного крохотного мальчишку не более девяти лет, который пытался зайти в театр через главный вход. Он был один, без взрослых.

– Лидк, смотри, пацан какой-то ломится... Ты его знаешь? – обратился охранник к гардеробщице, которая вязала бесконечный шарф с ошибками в каждом ряду.

– Впервые вижу, – отозвалась та, мельком взглянув поверх очков в сторону дверей. – У всех наших балерин да певцов дети обычно в выходные в театр приходят. Здесь совсем рядом музыкальная школа, так, может, дверью ошибся мальчишка?

– Не похоже, вон как тарабанит, настойчивый... А открыть силёнок не хватает, чудак! Мало каши ел, бишь! Нет, это не человек искусства, – убеждённо крикнул Владимир. – Да и на какое наше представление идти этому страусёнку? На «Шехерезаду» или на «Князя Игоря»? Весь раздетый, уши торчат, а погляди, какие глазищи... Видел я уже похожего, дурачка местного, – покачал головой мужчина. – И вообще, где его родители? Такой маленький, а уже шпана, шастает, где не положено...

– Так прогони, – сосредоточенно считая петли, невнятно пробормотала гардеробщица. Коллега отвлекал её своей болтовнёй, и ей не было дела до чужих детей.

– Неохота, – отмахнулся Владимир. – А гляди, он уже и сам ушёл. Табличку повесить, что ли... Чтобы работать не мешали. Запирать все входы начну, ей-ей! И ходить сюда будут только почётные гости...

Мальчишка произвёл на охранника дурное впечатление. Этот слишком прямой и печальный взгляд через стекло, тонкая шея и размазанная кровь под носом неприятно подействовали на него.

Владимир тряхнул головой, охотно и легко убедив себя: странный пацан ему привиделся. Затем зевнул и с неудовольствием подумал о том, что завтра всё-таки придётся тратить на цветы жене. «Но я, в конце концов, не рыцарь и не поэт из всех этих опер. Да и она не принцесса, перебьётся», – рассудил он, удобнее устраиваясь в кресле.

Александра Еселева

Я родилась в Казахстане, переехала в Москву в 8 лет. Закончила МГУ им М. В. Ломоносова, обучалась на филологическом факультете. Лауреат 1-й степени международного конкурса «Перо современности – 2025». Я люблю конные прогулки, комиксы и сочинять музыку.

А я ведь злая

А я ведь злая. Я иногда думаю: что, если бы мне всё было позволено? Я бы наступала на ноги людям на остановках и шипела бы вслед хриплым подросткам с их неизменным «кс-кс-кс». Я бы бросала в стену рюкзак с учебниками так, что сыпалась бы штукатурка.

Я ведь не делаю это не потому, что я добрая. Просто нельзя так делать. Было бы можно – этот мир получил бы от меня своё.

– Косичкина, покажешь нам решение этой задачи? – мило зовёт меня к доске учительница. Конечно-конечно. Покажу...

Покажу вам всем, что на самом деле моя фамилия Косицына! Не Косичкин никакая! Я зло, я ужас! Моя фамилия происходит от слова «коса» – та коса, с которой смерть ходит! Смерть не ходит с косичкой, она с косой ходит!

– Конечно, Мария Стефановна, – застенчиво улыбаюсь я и встаю, оправляя юбку. А эта женщина даже не замечает мою грандиозную месть. Она ведь Степановна. Ну и ладно, зло должно быть незаметным.

Я злорадно усмехаюсь и прохожу к доске, цокая невысокими каблуками. Задачи по математике за десятый класс – легкотня невероятная, и глупцы те, кто их не понимает. Может, эта Стефановна сама не понимает – то-то она к доске меня вызвала. Думает, спасу её от позора.

Я желания кого-то спасать не имею, но открыто отказаться не могу. С застывшей улыбкой пишу решение, на всякий случай очень противно скрипя мелом – пусть не радуются. Надеюсь, они все слягут потом с головной болью. Муа-ха-ха.

– Мария Степановна, а там разве игрек не в кубе должен быть? – слышу я противный голос Медведева. Это ты в кубе должен быть, Медведев. А лучше в клетке.

Пылая гневом, возвращаюсь к третьей строчке. Действительно, ошибка есть. Но это не из-за меня. Это освещение в классе плохое, потому что кто-то никак не может лампы починить. Ох уж эти бездельники. Повсюду, просто повсюду! Так и норовят сесть на шею таким, как я, думают, что я добрая, а я на самом деле злая! Очень злая! Просто мне ничего нельзя.

– Молодец, Медведев, – удовлетворённо говорит учительница. Ну конечно, сама-то ошибку не нашла. Все её от позора должны спасать – то я, то Медведев. А сама она головой думать не собирается, что ли?

Заканчиваю решение и, размахнувшись, бью мелом по доске, ставя точку. Потом оборачиваюсь и смущённо улыбаюсь. Пусть думают, что я случайно. Надеюсь, как минимум Медведеву я приду этой ночью в кошмаре, а остальные пусть просто вздрагивают, когда я прохожу мимо. Ух-х, как же я зла!

– Отлично, Косичкина, – кивает Мария Степановна (Стефановна, как я её злобно зову в мыслях) и вдруг поворачивается к классу. – Ребята, мы тут с завучами посоветались и... приняли решение сделать Дашу Косичкину старостой класса! Что вы об этом думаете?

Одноклассники как-то слишком энтузиастично хлопают. Я не могу понять – это они меня не ненавидят, что ли? Или так хорошо притворяются?

– Меня? – на всякий случай уточняю я.

Учительница коротко смеётся:

– Ну конечно, тебя, Косичкина!

– Косицына, – машинально поправляю её я.

Я – староста класса. Это что, получается... Мне всё можно?..

Домой я возвращаюсь в смешанных чувствах. С одной стороны – мне радостно строить планы мести этим жалким людишкам, а с другой – что-то тут нечисто... Нет ли какой-то подставы?

Дома меня ждут мои самые родные люди – единственные, кто ещё давным-давно прознали мою истинную натуру. Только они знают, как много живёт во мне злости.

– Сделай нормальное лицо, – говорит мне мама, как только я вхожу в кухню. – Выглядишь так, словно хочешь кого-то убить.

Мама всегда была невероятно проницательной. Это меня и восхищало, и расстраивало одновременно. Если бы она не сразу поняла, какая я злая, она бы не стала мне так много запрещать.

– Меня сделали старостой класса. – Я сажусь за стол, пока мама что-то помешивает в сковороде. Она тут же оборачивается.

– Действительно? – она хмыкает и качает головой. – Вот глупые, ты же всех укокошишь.

Мне на долю секунды становится грустно, но с правдой не поспоришь.

– Укокошу, – вздыхаю я. – Учительница ещё сказала, что планируется поездка...

– Ты не поедешь, – отрезает мама, поворачиваясь к плите. Пахнет горелым. – Неясно, что ты можешь вытворить без присмотра.

Мама права, за мной нужен глаз да глаз. Но в школе за мной никто не смотрит...

Я выхожу из кухни, почти уверенная, что мои глаза светятся в темноте – то пылает адский огонь моих планов по уничтожению своего класса.

Конечно, я решила начать с Медведева. Ну конечно же. Этот белобрысый симпатичный голубоглазый высокий умный парень уже давно сидел у меня в печёнках. Даже выразить нельзя, как он мне не нравился.

Поэтому, когда мне впервые доверяют отнести учителю тетради с контрольными, я сразу же вытаскиваю тетрадь Медведева. Она какая-то грязная, потрёпанная, с сердечками с именем «Даша» внутри. Состраиваю тошнительную физиономию и выбрасываю тетрадь в рядом стоящую урну.

Потом делаю два шага и останавливаюсь. Потом делаю два шага назад и заглядываю в урну.

Как-то всё это подозрительно, очень подозрительно. Но что именно меня смущает? Напряжённо раздумываю, но так ничего и не понимаю.

Пожимаю плечами и продолжаю свой путь. Учитель физики долго рассыпается в благодарностях за то, что я донесла тетради: я слушаю его слова со скромностью

и долей снисхождения. Если бы это не было возможностью осуществить мой злодейский план, я бы и пальцем к тетрадам не притронулась. В конце концов, мне за это не платят.

– Владимир Владимирович! – вдруг слышу я голос Медведева. Он стоит на пороге класса, держа в руках чистенькую зелёную тетрадь. – Извините, я не успел Даше свою отдать, вот она.

Этот наглец улыбается и кладет свою тетрадь поверх стопки.

Если бы моим взглядом можно было испепелить, Медведева бы через полчаса сметала веником наша уборщица Лидия Геннадьевна.

Он всё знал и отдал мне подставную тетрадь.

Хитро, но это начало его конца.

Я не остановлюсь, пока не уничтожу Медведева.

Если бы мой класс был аналогом всего человечества, то следующий месяц можно было бы назвать его Золотым веком. Никогда ещё мои одноклассники не жили так хорошо (а я – так плохо). Мне приходилось таскать их тетради и классный журнал, уговаривать завучей сделать более удобное расписание и починить наконец шкафчики в раздевалках. Все говорили: «Ой, какая хорошая Косичкина!» А я просто пыталась остаться в должности до того дня, когда представится случай отомстить Медведеву.

Я рисовала двойки в его дневнике и расписывала там март аж до пятидесяти второго числа. Даже говорила завучам, что Медведев носит белые носки с черными ботинками. Но глупые завучи не увидели в этом ничего плохого. Просто ужас. Ни чувства стиля, ни чувства справедливости, ни чувства ответственности за будущие поколения, наблюдающие этот кошмар. А ведь потом дети будут считать, что это нормально! Только заняв высокую должность, я поняла, как прогнило наше руководство.

Ну ничего, значит, я на своем месте.

Была одна вещь, которой я никак не могла понять. Как Медведев узнал, что я злая? До него об этом знали только мои самые близкие люди. И это должно было остаться тайной. Неужели я в чём-то прокололась? Понять это было очень важно, ведь, если узнал Медведев, могут узнать и другие. Этого допустить никак нельзя.

Близились время поездки, и в моей голове наконец созрел самый ужасный план. В конце коридора на третьем этаже был кабинет со сломанной дверной ручкой, которую можно было открыть только снаружи, а изнутри, сколько ни дергай, ничего не выйдет. Мне, как старосте, сказали донести эту информацию до всего класса, чтобы никто туда не ходил. Но они не знали, что рассказали такой страшный секрет настоящему злу во плоти. Ночью перед поездкой я долго ворочалась в постели и злобно хихикала. В поездку я не собиралась: меня не отпустили родители.

А вот Медведев собирался.

Но никуда он не поедет.

Кабинет трудовика ему, а не океанариум.

В классе оживлённо – все радуются пропуску уроков и предстоящей тряске в автобусе, а я стараюсь улыбаться не кисло (по возможности). Медведев приходит с рюкзаком, полным всякой еды, и вокруг него вьются уже четыре потенциальные жены, на что я только закатываю глаза. Пусть радуется, пока может.

Когда всем объявляют пятиминутную готовность, я подхожу к Медведеву. Сейчас требуется максимальная актёрская игра, и я выжимаю из себя все силы, стараясь казаться милой и безобидной.

– Медведев, – тихо зову я и шаркаю ножкой для наглядности.

Он подозрительно оглядывает меня. Я опускаю глаза.

– Что, Косицына? – наконец произносит он. Прекрасно. Почти две минуты из пяти мы потратили на эту неловкую паузу. Я начинаю внутри вскипать, но надеюсь, что красное лицо и пар из ушей сойдут за сильное смущение.

– Мы можем поговорить? – быстро говорю я. Все вокруг уже собираются. Медведев окидывает взглядом класс.

– Сейчас? – уточняет он.

– Срочно, – поправляю его я.

Он пристально смотрит на меня. Я опускаю смиренный взгляд ещё ниже.

– Хватит шоркать ногой, Косицына, – говорит Медведев. – Ладно, только быстро.

Я стараюсь не радоваться слишком сильно, но улыбка выходит чересчур победоносной. Впрочем, Медведева это не пугает, он берет рюкзак и вместе со мной выходит в коридор.

– Если ты... – начинает он, но я мотаю головой и беру его за руку.

– Здесь слишком шумно, давай в другой кабинет, – я тащу его, как заправский тяжеловоз. Медведев почти не упирается. В какой-то момент меня это настораживает, и я останавливаюсь, чтобы на него посмотреть.

Он улыбается.

Но не хитро, и не зло, и не испуганно.

Что-то я ничего не понимаю. Он улыбается... Радостно?

Фу, гадость какая.

Я передёргиваю плечами и продолжаю вести его за собой. Кабинет трудовика становится все ближе. Я хватаюсь за скрипнувшую ручку и открываю дверь. Медведев высвобождает свою руку из моей и сам заходит внутрь.

О да. Я злобно хохочу внутри: птичка сама зашла в клетку! Сама! Ха-ха! Уа-ха-ха! Какая ирония!

– Так вот, и урок уже расписан, – вдруг слышится из-за угла голос Марии Степановны. Я испуганно замираю: если она увидит меня с Медведевым здесь, она сразу поймёт, что я что-то замышляю. Страх почти парализует меня, но в голове уже зреет новый план: я вталкиваю Медведева внутрь и тут же закрываю дверь.

Мария Степановна с физиком проходят мимо. Я шумно выдыхаю, стирая невидимый пот со лба. Нет, ну какая же я всё-таки гениальная и стремительная. Учителя даже ничего не заметили.

– Так о чём ты хотела поговорить? – говорит Медведев за моей спиной.

– А, – пренебрежительно отвечаю я. – Ни о чем. Я просто завела тебя в ловушку, Медведев. Дверь не открывается изнутри, и ты не выйдешь отсюда минимум до конца следующего урока. Но это уже будет неважно, потому что все уедут в океанариум, а ты просто будешь прозябать здесь. Только не плачь, ладно? Я понимаю, обидно, что тебя развели так легко...

– Косицына, ты тоже здесь, – голос Медведева слышится уже дальше, словно он сел за парту. – Ты тоже отсюда не выйдешь, гениальная ты наша.

Я отпускаю ручку двери и медленно оборачиваюсь на Медведева. Потом поворачиваюсь обратно и дёргаю за ручку двери. Сначала два раза, а потом три.

Дверь не открывается.

Я закрыта в кабинете с Медведевым.

В какой-то момент мой злодейский план дал сбой, но где же я ошиблась... Не зря папа говорил, что я не только злая, но ещё и недалекая.

– Так что, Косицына, – вот теперь Медведев улыбается злорадно. Он скидывает рюкзак с плеча и устраивается за партой удобнее, не обращая внимания на то, что рукава пиджака пачкает мел. – О чём поговорим?

Спустя пятнадцать минут неловкого молчания я не выдерживаю. В конце концов, это не я заперта с Медведевым, а Медведев заперт со мной. Я выведая у него всё, что мне интересно, и он никуда не сбежит.

– Мне вот что интересно, Медведев, – вкрадчиво начинаю я, вальяжно прохаживаясь вдоль доски. Он следит за мной взглядом. – Как ты понял, что я злая?

Вместо ожидаемого ужаса и падения на колени Медведев непонимающе морщится:

– Злая?

– Именно, – важно киваю я. Мне хочется обвести рукой кабинет: он полон рубанков по дереву, забытых на партах; где-то лежат молотки; на полу звенят подпрыгивающие от каждого моего шага гвозди. Мне хочется сказать: ты в опасное место попал со мной, Медведев. Так что не шути и не изворачивайся.

Но он не шутит и не изворачивается.

Он сводит брови вместе и впервые смотрит на меня так живо и обеспокоенно, что я останавливаюсь.

– Злая? – почти болезненно повторяет он. – Даша, ты не злая.

Теперь непонимающе морщусь я. Так он ничего не знает? Тогда к чему были все его пакости?

– Ты знал, что я выкину твою тетрадь по физике, – враждебно говорю я. Его обеспокоенное лицо каким-то образом заражает меня, и мне кажется, что я тоже начинаю беспокоиться. Неужели я где-то ещё просчиталась?

– Ну конечно, ты ее выкинула, – Медведев говорит со мной, как с маленькой. – Я же сдал тебе грязную пустую тетрадь с рисунками. Я просто не успевал отдать контрольную и пошёл на... Небольшую хитрость.

Не поняла.

Это что... Я, получается, помогла Медведеву в его коварном деле?!

– А всё остальное? – обиженно говорю я. – Я портила твой дневник, жаловалась на тебя завучам! Я же злая, ты сам знаешь!

Он вдруг смеётся, запрокидывая голову.

– Боже мой, Косицына! Это же просто детский сад, с чего мне думать, что ты злая?

– Я хотела запереть тебя здесь, – умоляюще говорю я.

– Ты здесь со мной, – Медведев легонько хлопает по парте. – Ты хотела пропустить поездку, так ведь? Ребята совсем достали тебя с поручениями старосты.

Нет, в какое-то неправильное русло ушёл разговор. Медведев как-то неправильно истолковывает мои поступки.

– Я делала всё это, потому что я злая, – доверительно сообщаю ему я. – А в поездку я и так не собиралась.

– Почему?

– Родители не пустили.

Я отвожу взгляд к окну. Там голубое мартовское небо и белые облака, которые иногда то плывут, то расплываются.

– Почему? – Медведев не допытывается, он спрашивает тихо и... Как будто со... чувствующе.

Не знаю, почему мне вдруг больно слышать этот тон.

– Сам же знаешь, – я стараюсь звучать весело и пожимаю плечами. – Я злая.

Медведев неожиданно улыбается и кладёт голову на сложенные на парте руки.

– Это я понимаю, – с улыбкой говорит он. – А почему не пустили?

Он какой-то глупый. Он не понимает, что играет с огнём. Мысль о глупости Медведева, не осознающего всей опасности своего положения, удивляет меня. Он в клетке с самым страшным зверем – мной. Зачем он так улыбается?

– Ты не понимаешь, – удивлённо говорю я. – Нельзя меня отпускать куда-то далеко без присмотра. Я ведь не делаю зла не потому, что не хочу, а потому, что мне нельзя. Если мне дать волю, я такого натворю.

– Натвори, – внезапно говорит Медведев.

Я застываю. Мне почему-то страшно. В смысле, «натвори»? Он совсем спятил? Тут ведь никто не выживет! Всю мою жизнь меня с таким трудом сдерживали, пытались взять под контроль мою адскую злобную сущность, а тут приходит какой-то Медведев и говорит «натвори». Сам потом из гипса не вылезет, а мне отвечать.

Нет, на такое я не куплюсь.

– Тут куча всяких инструментов, – продолжает Медведев. – Тут только мы с тобой. Я тебя раздражаю, я это уже понял. Можешь дать мне пощёчину или заколотить гвозди в мой рюкзак. Обещаю, я никому не скажу. Обещаю не иметь никаких претензий.

Я молчу.

– Хочешь расписку? – он усмехается. – Могу написать расписку. Даша, – я вздрагиваю и встречаюсь с его взглядом, – делай что душе угодно.

– Зачем тебе это? – я еле ворочаю языком. Внезапная свобода и ощущение безнаказанности захлёстывают меня, словно волны, и я почти не держусь на ногах. Меня качает из стороны в сторону.

Я могу делать всё, что захочу. Мне всё можно. Всё можно. Абсолютно всё в пределах этого кабинета. Так не бывает.

– Просто так, – он встаёт и подходит ко мне. – Сделай то, что хочешь. Хорошо?

– Хорошо, – шёпотом отвечаю я.

Потом оглядываюсь вокруг: на полках есть банки, которые можно разбить. Можно взять стеклянную бутылку с подоконника и ударить ею об стол: получится розочка,

которой потом можно исцарапать линолеум. Гвозди тоже многофункциональны. Мне понравилась идея забить их в рюкзак Медведева, а лучше прибить ими рюкзак к полу или к стене – это будет забавно.

Можно выкинуть молоток в окно.

Можно перевернуть все парты жвачками вверх.

Можно ударить Медведева, который так долго меня раздражал и поправлял на уроках. Можно нарисовать на доске пародию на Марию Степановну с огромными косичками.

Я могу сделать всё что угодно любой степени разрушительности, и мне ничего за это не будет.

Но...

Я этого не хочу.

Я не хочу никому зла.

Мне не хочется ни бить, ни крушить что-то, я не хочу причинить кому-то боль или навредить себе.

Я просто стою несколько минут, глядя на то, как на моём носу скапливаются слезы. Медведев наблюдает за этим тоже.

– Я не хочу ничего плохого, – признаю своё поражение я. Но так легко сдаваться я не собираюсь и продолжаю: – Наверное, потому что боюсь. Что меня потом накажут. На самом деле я злая.

– А если представить, что не будет никаких последствий, – вполголоса спрашивает Медведев. – Совсем никаких, что тебя никто не накажет и ничего плохого не произойдет. – Я думала, он смотрит на мой нос, с которого каплют слёзы, но он стоит слишком близко и смотрит ниже, на мои дрожащие от плача губы. – Что бы ты сделала?

Никаких последствий. Полная безнаказанность. Вот это задачку он мне подкидывает. Описывать то, что я сделаю с человечеством, я не стану, вдруг Медведев слишком впечатлительный... Я вдруг понимаю, что устала думать в таком ключе.

Толстая кожа слезает с меня комьями, под ней – тонкая. Я откидываю одну мысль за другой, словно расчищаю снег – сверху грязный, но, чем ниже, тем белее.

Чище. Включаю воду из крана сильнее, и ржавая и грязная быстро сменяется прозрачной.

Я поднимаю глаза на Медведева и встречаюсь с ним взглядом. Почему-то начинаю плакать сильнее, слезы льются толчками, мне так больно и страшно сказать ему это.

Но сейчас всё возможно. В этом кабинете. Сейчас. Он пообещал.

И я отвечаю:

– Я бы тебя поцеловала.



До новых встреч!

Актуальные условия отбора произведений смотрите в группе ВК.

Не забывайте подписываться на нас в социальных сетях:



Страничка
альманаха **«ЛитСтарт»**



Страничка
Литературного института



Сайт
Литературного института